

**МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ПО ПОДГОТОВКЕ И ОСВОЕНИЮ
ЛЕКЦИОННОГО КУРСА
«РЕЛИГИЯ И СВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ»**

Составитель: Суворов Михаил Николаевич, доктор филологических наук

Настоящие Методические указания предназначены для помощи преподавателю в подготовке лекционного курса «Религия и светская культура на Ближнем Востоке», а также для помощи учащимся в его освоении. Поскольку лекционный курс «Религия и светская культура на Ближнем Востоке» реализуется впервые, учебного пособия по нему в настоящее время не существует. По этой причине при подготовке курса лекций целесообразным является использование имеющихся отечественных и западных научных исследований. Совокупность этих материалов предоставляет преподавателю и студенту практически всю необходимую информацию по предмету. Эти материалы можно использовать выборочно, в полном или сокращенном виде – в зависимости от проявленного учащимися большего или меньшего интереса к тем или иным аспектам курса, и исходя из временного плана занятий.

В структурном отношении настоящие Указания включают «Введение» и три тематических раздела: «Процесс секуляризации в эпоху арабского культурного возрождения (ан-Нахда)», «Ислам и секуляризм в общественно-политической жизни постколониального времени» и «Ислам и проблема свободы творчества», охватывающие 15 лекций – в соответствии с Рабочей программой дисциплины. Материал к каждой лекции состоит из двух частей: тезисов лекции и литературы по теме лекции – с указанием страниц, на которых содержится соответствующий материал, если это необходимо. В конце Указаний дан общий список литературы по курсу.

Указания также снабжены двумя Приложениями (к лекциям 13 и 14), представляющими собой научные статьи по темам соответствующих лекций.

ВВЕДЕНИЕ

Лекция 1. Ислам и светская культура: теоретический и исторический аспекты

Проблема соотношения религиозного и светского (секулярного) в общественном сознании и в практической жизни. Влияние экономики и политики на это соотношение. Типология этого соотношения как имманентная характеристика самой религии. Различие между понятиями «секуляризация религии» и «секуляризация общества».

Проблема степени возможности секуляризации ислама. Прекращение *иджтихада* – трактовки откровений Мухаммеда и его действий, а также интерпретации богословско-правовых источников – после формирования основных направлений ислама и основных религиозно-правовых школ. Преобладание *таклида*; тенденция к возрождению *иджтихада* с конца XIX в. и ее дискуссионный характер. Тоталитарный характер ислама как религиозной системы, регулирующей не только политическую и социальную жизнь, но и мирскую составляющую жизни человека: его повседневное поведение и быт. Признание в исламе шариата источником прав и свобод человека в отличие от западной теории естественного права, ищущего истоки права в природе людей. Исламская практика определения истинности веры не по внутренним убеждениям, а по внешним действиям. Деление исламским правом всех поступков человека на обязательные, одобряемые, разрешенные, осуждаемые и запрещенные. Предусмотренная шариатом смертная казнь за вероотступничество и за внебрачные связи.

Отсутствие в жизни современного мусульманского общества идеи о четком разделении светской и духовной сфер жизни – как на общественном и государственном, так и на индивидуальном уровне. Предполагаемая причина отсутствия этого разделения (в отличие от Европы): историческое отсутствие в исламе институциональной религиозной структуры (церкви), стоящей над обществом и навязывающей обществу свои «правила игры» – отсутствие проблем юрисдикции, подчинения и подавления – отсутствие массовых антиклерикальных движений – тождественность антирелигиозного антиобщественному. Исторические причины исламской практики восприятия инакомыслящих как противников: споры суннитов и шиитов, споры разных школ внутри этих течений, господствующее неприятие «крайних» групп (исмаилитов, алавитов, друзов). Проявление этой традиции в новых социально-политических условиях XX века: восприятие западного мира и внутренних носителей западных секуляристских идей как противников, развитие исламского фундаментализма.

Опыт «силовой» политической секуляризации отдельных частей мусульманского мира в XX веке (Турция, среднеазиатские и северокавказские регионы СССР, НДРГ); ее результаты и последствия на современном этапе.

Литература:

Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х – начало 80-х годов XX в.). М.: Наука, 1986. С. 29-34.

Ислам и светское государство. Ташкент, 2003. С. 103-145.

Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 2001.

Исламский фактор в истории и современности. М. : Восточная литература, 2011. С. 18-27.

Луис Бернад. Ислам и Запад. М.: ББИ Св. Апостола Андрея, 2003. С. 274-292.

Малашенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь мир, 2006. С. 136-149.

Монтаж и демонтаж секулярного мира. М.: Российская политическая энциклопедия, 2014.

Религия и секуляризм на Востоке. М.: Наука, 1993. С. 5-18, 32-34.

Родионов М.А. Ислам классический. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2001. С. 114-144.

Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М.: ООО «Садра», 2014. С. 5-128.

РАЗДЕЛ I. ПРОЦЕСС СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В ЭПОХУ АРАБСКОГО КУЛЬТУРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (АН-НАХДА)

Лекция 2. Состояние арабской культуры накануне ан-Нахды (пример Египта)

Воспитание, образование, наука, право и общественное сознание в Египте в начале XIX века. Начальное образование: коранические школы (исключительно обучение чтению и заучиванию Корана). Крайне низкий уровень грамотности учителей коранических школ. Приобретение навыков письма и счета под руководством рыночных весовщиков. Дальнейшее образование: религиозный университет-мечеть аль-Азхар, центр мусульманских наук и традиций во всем арабском мире, а также медресе при мечети аль-Ахмади в Танте, медресе при мечети Ибрахим-паши в Александрии и некоторых других медресе. Отсутствие женского образования на всех уровнях. Коран и сунна как единственные источники уголовного и гражданского права; шариатская судебная система. Решение судебных дел по аналогии. Отсутствие книгопечатания и неразвитость книготорговли. Библиотеки при мечетях, их скудость (труды по теологии, исламскому праву и арабской филологии). Общественно-политическое влияние улемов аль-Азхара. Образование в аль-Азхаре: морфология, синтаксис,

риторика, стихосложение, логика, теология, толкование Корана и хадисов, исламское право, основы арифметики, геометрии и алгебры. Использование разных учебников для студентов-адептов разных мазхабов. Методика преподавания – заучивание основных сочинений наизусть. Средневековая система *иджаз*. Отсутствие представлений даже у духовной элиты о национальной и мировой истории, астрономии (Солнце вращается вокруг Земли), географии (Земля – плоская, как блин) и других естественных науках. Отсутствие медицинских знаний: врачи и хирурги – не более, чем знахари и цирюльники. Популярность астрологии и алхимии, предназначенных для целей магии. Безраздельная власть суеверий: джинны, гули, сглаз, талисманы, обереги, маги-заклинатели, «благодатные» способности юродивых, святых и их гробниц. Крайняя популярность суфийских представлений; суфийские ордена и секты. Информационно-развлекательные средства – средневековые «народные» романы в исполнении уличных чтецов.

Литература:

Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1989. С. 43-45.

Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 33-35.

Крымский А.Е. История новой арабской литературы XIX – начала XX века. М.: Наука, 1971.

Лэйн Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М.: Наука, 1982. С. 83-123, 188-235, 308-334.

Лекция 3. Первое знакомство арабов со светской культурой Запада и начало секуляризации общественной жизни в Египте

Экспедиция Наполеона в Египет (1798). Впечатления египтян от военной мощи французов. Восхищение достижениями западной светской культуры в хронике Абд ар-Рахмана аль-Джабарти (1754-1822): европейское право (основанное «на началах разума», и не подчиняющееся законам религии) естественные науки и техника, санитарная служба, книгопечатание, публичная библиотека, живопись, театр. Макама Хасана аль-Аттара (1766-1835) – панегирик французам.

Правление Мухаммеда Али (1805-1849) и его реформаторская деятельность. Открытие специальных светских учебных заведений, военных, инженерных, медицинских. Направление молодых египтян на учебу в страны Европы (с 1813 г.), приглашение в Египет европейских

преподавателей и специалистов. Лишение мусульманского духовенства монополии на образование. Основание политехнической школы (1816 г.), типографии (1821 г.), создание Школы языков (1835 г.) и переводческий процесс. Формирование слоя новой интеллигенции, получившей светское образование; ее стремление к общественным преобразованиям, политическим и религиозным реформам. Государственная политика ослабления влияния исламского духовенства: борьба Мухаммеда Али с «духовной элитой» – улемами аль-Азхара. Давление светских властей при назначении на высшие религиозные посты, ликвидация «незаконных» вакфов, экспроприация доходов от крупных вакфов в пользу государства, усиление зависимости духовенства от светской власти, подрыв его могущества в масштабах всего египетского общества. Создание светских судебных органов: Совета правосудия (1842 г.), апелляционные суды (1855-1856 гг.). Постепенное ограничение компетенции шариатских судов вопросами гражданского права.

Рифа‘а Рафи‘ ат-Тахтави (1801-1873) и его сочинение «Извлечение чистого золота в описании Парижа» (1834) как пропаганда достижений светской культуры Запада. Панегирик западническим реформам Мухаммеда Али. «Советы врача» и «Хартия» Людовика XVIII в тексте «Описания Парижа». Научная информация, противоречащая исламским представлениям. Всесторонняя характеристика французской общественной жизни. Двойственная позиция автора «Описания Парижа» в отношении религиозного и светского. Мнение автора о большом сходстве «естественного права» и шариата. Пропаганда западных форм общественного устройства, разделения науки и религии. Выявление слабостей современной арабомусульманской цивилизации. Утверждение необходимости женского образования в учебнике ат-Тахтави «Верный наставник для дочерей и сыновей» (1872) как первый шаг в развитии идей женской эмансипации. Идеи ат-Тахтави – программные идеи арабского возрождения, заложившие основы просветительской идеологии в арабском мире. Постепенная автономизация науки и культуры от религии, их секуляризация, как причина необходимости реформирования ислама.

Литература:

- Джабарты А. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776-1798). М.: Изд-во восточной литературы, 1978. С. 305, 308-309, 122, 126.
- Иванов А.Ю. Наполеон в Египте. М., 2012.
- Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1989. С. 25-28.

Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 40-41, 48-49, 59-70, 91-92.

Крымский А.Е. История новой арабской литературы XIX - начала XX века. - М.: Наука, 1971.

Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (новое время). М.: Наука, 1972. С. 15-29.

Черновская В.В. Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М.: Наука, 1979. С. 17-53.

Шайдуллина Л.И. Арабская женщина и современность: Эволюция ислама и женский вопрос. М.: Наука, 1978. С. 55-57.

Лекция 4. Секулярная тенденция в мусульманском реформаторстве в Египте

Реформация ислама как религиозное направление арабского возрождения. Египет как центр реформации ислама. Противопоставление свободного толкования Корана безоговорочному следованию традиции толкования в учении Джамаль ад-Дина аль-Афгани (1839-1897). Представление о прогрессивном характере ислама в сочинении аль-Афгани «Отповедь материалистам» (1886). Рационалистические религиозно-философские воззрения Мухаммеда Абдо (1849-1905) в его сочинениях «Трактат о единобожии» (1897) и «Комментарии к Корану» (1904). Представление об исключительности ислама как «религии разума», дающей возможность для развития всех естественных способностей человека. Представление Мухаммеда Абдо о присутствии в Коране объяснений всех законов жизни в иносказательной форме, побуждающей человека к размышлению. Апелляция к европейским авторам XIX – начала XX в.: Дарвину, Спенсеру, Толстому. Проблемы, затрагиваемые в «Комментарии к Корану»: история, биология, происхождение человека и т.п. Мухаммед Рашид Рида (1865-1935) как продолжатель «Комментария к Корану» Мухаммеда Абдо и руководитель журнала мусульман-реформаторов «Аль-Манар» (с 1898 г.). Задачи журнала – распространение идей «истинного» ислама и доказательство его соответствия современной научной и общественной мысли. Социально-политические идеи Абд ар-Рахмана аль-Кавакиби (1849-1902) в его сочинениях «Природа деспотизма и гибельность порабощения» (1901) и «Мать городов» (1902). Идея аль-Кавакиби об отделении религиозной власти от светской и создании Халифата с центром в Мекке. Основное положение «Природы деспотизма» – подчинение человека только Богу, естественное право человека на свободу и равенство. Аль-Кавакиби как первый арабский мыслитель, обозначивший роль народных масс в истории. Рассмотрение «женского вопроса» в сочинениях Касима Амина (1865-1908) «Освобождение женщины» (1899) и «Новая женщина»

(1901) в рамках размышления о путях возрождения арабской нации. Опора Касема Амина на просветительский принцип равенства в правах между всеми членами общества. Униженное положение женщины в семье как причина неправильного воспитания молодого поколения, ведущего к упадку нации. Представления Касема Амина о правильном воспитании женщины: обучение ее письму, чтению, иностранным языкам, основам естественных, социальных и исторических наук, музыке, рисованию, кулинарному искусству, домоводству, правилам гигиены. Необходимость овладения женщиной профессией в качестве гарантии ее материального благополучия. Модернистское толкование установлений Корана, связанных с ношениями женщиной хиджаба (допустимость обнажения лица и кистей рук), практическое неудобство полного хиджаба в условиях современной жизни. Мнение Касима Амина о несовершенстве мусульманской цивилизации на всем протяжении ее истории как причине текущего положения женщины. Яростная критика взглядов Касима Амина со стороны мусульманских традиционалистов. Роль «программы» Касима Амина в развитии женской темы в современной арабской общественной мысли.

Литература:

- Амин, Касим. Новая женщина. Пер. и предисл. И.Ю. Крачковского. СПб., 1912.
- аль-Джанаби М.М. Философия современной мусульманской реформации. М., 2014.
- Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика 1870-1914. М.: Наука, 1968. С. 7-31, 53-84.
- аль-Кавакиби, Абд ар-Рахман. Природа деспотизма и гибельность порабощения. М.: Наука, 1964.
- Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1989. С. 34-43, 120-179.
- Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 113-118.
- Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. В 6-ти тт. Т.3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 123-136.
- Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (новое время). М.: Наука, 1972. С. 107-113, 121-131, 195-203, 216-218.
- Черновская В.В. Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М.: Наука, 1979. С. 17-53.
- Шайдуллина Л.И. Арабская женщина и современность: Эволюция ислама и женский вопрос. М.: Наука, 1978. С. 58-73.

Лекция 5. Черты секуляризации общественной жизни Египта в последней трети XIX – начале XX века

Секуляризация общественной жизни Египта в правление хедива Исмаила (1863-1879). Создание трехступенчатой государственной системы школьного образования, включая женское. Создание учительского колледжа, юридического училища, Дома наук (Дар аль-улюм, 1873). Открытие оперного театра (1869 г.), учреждение Музея египетских древностей и Национальной библиотеки (1870 г.). Интенсивное развитие прессы и публицистики. Просветительская деятельность Али Мубарака (1823-1893); его роман-путешествие «Алам ад-Дин» (1882); энциклопедический характер романа, идеи синтеза культур Востока и Запада. Переводы европейской литературы; интерес к произведениям, отвечающим текущим потребностям арабского общества. Декрет 1881 года об учреждении светских судебных органов – национальных египетских судов. Секуляризация некоторых норм ислама и религиозного образования усилиями Мухаммеда Абдо и его последователей. Фетвы Мухаммеда Абдо на посту главного муфтия Египта (с 1899 г.): разрешение мусульманам делать банковские вклады и получать проценты, носить европейский костюм, заниматься скульптурой и живописью. Открытие в Каире в 1908 г. Школы изящных искусств. Открытие в 1907 г. Шариатской юридической школы с преподаванием общего законовещения и юридической практики (на примере европейской юриспруденции), а также современных наук: математики, физики, химии, географии, психологии, истории, этики. Использование в учебном процессе европейских методик и трудов. Введение в 1908 г. в программу аль-Азхара курсов по современным наукам: математики, географии, естествознанию, социологии; приглашение специалистов из светских учебных заведений. Кодификация египетского гражданского, уголовного и коммерческого права на базе достижений европейской юридической практики. Основание национальной Ассоциации юристов и адвокатов в 1912 г. Открытие Национального (каирского) университета в 1908 г. Ректор университета Ахмед Лутфи ас-Сайид (1872-1963), его идеи просвещенного секуляризма, его газета «аль-Гарида». Движение за женскую эмансипацию в рамках ислама: публицистическая и общественная деятельность Аиши Теймур (1840-1902) и Мелек Хифни Насиф (1886-1918). Роль нового типа образования, юриспруденции, искусства в подрыве исключительности теологического взгляда на мир.

Литература:

Васильев А.М. Египет и египтяне. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Вост. лит., 2008. С. 189-190.

Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика 1870-1914. М.: Наука, 1968. С. 13-18.

Карпачева О.В. История исламской оппозиции в Египте. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. С. 139-141.

Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1989. С. 38-51, 164-178.

Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 95-114, 180-181.

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. В 6-ти тт. Т.3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 61, 79-80.

Черновская В.В. Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М.: Наука, 1979. С. 17-53.

Шайдуллина Л.И. Арабская женщина и современность: Эволюция ислама и женский вопрос. М.: Наука, 1978. С. 73-77.

Лекция 6. Секуляристская общественная мысль в Египте 1920-50-х годов и формирование исламского фундаментализма

Движение за культурное «обновление» в Египте в 1920-40-е годы: идеи европеизации общественной и научной мысли и литературы, преодоления культурного отставания от Запада. Роль в этом процессе европеизированных интеллектуалов. Лидеры движения: Таха Хусейн (1889-1973), Аббас Махмуд аль-Аккад (1889-1964), Саляма Муса (1887-1958). Идеи Таха Хусейна об «освобождении мысли». Стремление примирить веру и научное знание в публицистике аль-Аккада, влияние европейской философской мысли на его мировоззрение. Социалистические идеи в публицистике Салямы Мусы, популяризация им западных общественно-философских и научных идей, западной литературы, и отрицание ценности арабо-мусульманского культурного наследия. Критический подход Таха Хусейна к вопросу достоверности части арабо-мусульманского культурного наследия в его исследовании «Доисламская поэзия» (1925), его отрицание религиозной «ангажированности» в научном исследовании. Отрицание легитимности института халифата в исследовании азхарского шейха Али Абд ар-Разика (1888-1967) «Ислам и основы власти» (1925). Мнение Али Абд ар-Разика о необходимости освобождения общественной и политической сфер от влияния религии. Гонения на Таха Хусейна и Али Абд ар-Разика, общественная полемика по поводу их сочинений. Мнение Таха Хусейна об изначальной принадлежности Египта к средиземноморской, европейской цивилизации в его сочинении «Будущее культуры в Египте» (1938). Феминистская деятельность Худы Шарави (1879-1947) и ее Египетский феминистский союз (с 1923 г.).

Создание Хасаном аль-Банна (1906-1949) общественно-религиозной организации «Братья-мусульмане» в 1928 г. и его размежевание с духовенством аль-Азхара. Девиз Хасана аль-Банна «Аллах – наш идеал, пророк – наш вождь, Коран – наша конституция». Представление Братьев-мусульман о западном происхождении оппозиции «разум – божественное откровение» и ее неприменимости в исламском мире. Идеализированное представление Братьев-мусульман о раннем исламе как об идеальном общественном устройстве. Исламский феминизм Зейнаб аль-Газали (1917-2005) и ее «Ассоциация женщин-мусульманок» (с 1936 г.). Усиление в египетском обществе исламского фактора в середине 1930-х годов. Обращение «секуляристов» к истории ислама и ее анализа с позиций современных социо-философских представлений. «Гении ислама» (1942-1943) аль-Аккада и «На полях Сиры» (1933-1939) Таха Хусейна.

Появление в Египте с начала 1940-х годов новых секуляристских идей. Распространение западноевропейской, американской и советской литературы. Возникновение многочисленных партий и группировок разных направлений; появление клубов социалистической ориентации. Поиски политико-идеологического самоопределения: социалистические теории (Рашид аль-Барави), светское истолкование ислама (Халед Мухаммед Халед), немецкая идеалистическая философия и экзистенциализм Сартра (Абд ар-Рахман Бадави), синтез фрейдизма и марксизма (Мустафа Сафван), идеи исламской социальной справедливости (Сеййид Кутб).

Литература:

- Васильев А.М. Египет и египтяне. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Вост. лит., 2008. С. 300-305.
- Исламский фактор в истории и современности. М. : Восточная литература, 2011. С. 28-40.
- Карпачева О.В. История исламской оппозиции в Египте. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. С. 141-146.
- Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 271-277, 322-324.
- Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.2. М.: «Восточная литература» РАН, 2003. С. 11-14.
- Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли. 1917-1945. М.: Наука, 1979.
- Левин З.И. Рыцарь свободной мысли. М., 1998.
- Религия и секуляризм на Востоке. М.: Наука, 1993. С. 96-101.
- Черновская В.В. Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М.: Наука, 1979. С. 54-103.

РАЗДЕЛ II. ИСЛАМ И СЕКУЛЯРИЗМ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Лекция 7. Ислам и секуляризм в арабских государствах: разные соотношения (примеры Саудовской Аравии и НДРЙ)

Зависимость соотношения религиозного и светского от государственного строя и официальной государственной идеологии. Формирование государственности Саудовской Аравии на базе ваххабитской версии ханбализма. Конфликт между принципами ваххабизма и потребностями социально-экономического развития. Дозированная секуляризации культуры в 1960-70-е годы: появление телевидения, светского образования, женского образования, образовательные поездки за рубеж. Нефтяные доходы как причина неразвитости светских общественных движений. Ужесточение соблюдения исламских канонов и норм поведения с начала 1980-х годов. Деятельность «Лиги общественной морали»: преследование женщин, носящих хиджаб, контроль соблюдения часов молитвы, погромы фотоателье и т.п. «Предостережение об опасности поездок в страны еретиков для веры и моральных устоев» (1984) Абд аль-Азиза аль-База и поддержка его королем Фахдом. Осуждение западного образа жизни, поездок за рубеж, деятельности туристических агентств. Принципы государственного закона «Основы системы власти» (1992): «государственная религия – ислам, конституция – Коран и сунна», «основа саудовского общества – исповедание ислама», «государство защищает права человека в соответствии с шариатом» (ст. 11), «создание и жизнь семьи, воспитание детей – на основе исламской веры» (ст. 9), «цель образования – привить подрастающему поколению принципы исламской веры» (ст. 13). Ислам в программах светских школ: 30% богословских дисциплин. Деятельность «комитетов дозволения добра и воспрещения зла» во всех сферах повседневной жизни (на осн. ст. 23): контроль соблюдения часов молитвы и поста, соблюдения половой сегрегации с патрулированием общественных мест, ношения хиджаба, исламских правил забоя скота, торговли предметами искусства, книгами, аудио и видеопродукцией, выявление внебрачных связей, гомосексуализма, азартных игр и т.п. Скрытый конфликт между модернизационными мерами правительства и обскурантизмом традиционного духовенства. Черты вестернизации интеллектуальной элиты и ее неприятие существующего положения, особенно в вопросе женского бесправия. Проблема двойной морали: саудиты на родине и за рубежом.

Образование в 1970 г. Народной Демократической Республики Йемен, курс правительства на построение социализма. Замена ислама идеологией научного социализма. Внедрение теории классовости и партийности культуры. Борьба за искоренение исламской практики из жизни

общества, осквернение в начале 1970-х годов гробниц святых, репрессии против исламских проповедников и законовевдов. Отношение власти к религии как к пережитку прошлого, который должен исчезнуть. Взгляд на ислам как на примитивную форму социализма, причисление средневековых «еретических» движений (му‘тазилитов, карматов) в исламе к революционным. Отсутствие упоминания исламских институтов и практик в конституциях НДРЙ 1970 и 1978 гг., за исключением признания ислама государственной религией (ст. 47). Светский характер права, системы образования, семейно-брачной сферы, официальной культуры. Устранение исламских практик из брачно-семейной сферы и установление равноправия между женщиной и мужчиной законом «О семье» от 1974 г.: отсутствие условия соответствия вероисповеданий супругов, исключение возможности «неравного» по возрасту брака, фактический запрет полигамного брака, запрет возможности развода по желанию лишь одного супруга, оставление детей на воспитание матери после развода. Сохранение религиозности на уровне народного сознания и быта (социальные привычки, сохранение хиджаба, народная медицина).

Литература:

Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М.: Дело и сервис. 2000. С. 180-222.

Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). Изд. 2-е, расшир. И доп. М.: Классика плюс, 1999. С. 549-555, 571-573.

Народная Демократическая Республика Йемен: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1985.

Сапронова М.А. Государственный строй и конституции арабских республик. М.: Муравей, 2003. С. 86-102.

Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. М.: Наука, 1992. С. 52-60.

Шайдуллина Л.И. Арабская женщина и современность: Эволюция ислама и женский вопрос. М.: Наука, 1978. С. 111-113.

Шарипова Р.М. Концепции «национального просвещения» в мусульманских странах: Соотношение ислама и секуляризации. М.: Наука, 1991. С. 92.

Шруль, Клаус-Дитер. Сабах – утренняя заря. М.: Наука, 1986. 192-198.

Этикет у народов Передней Азии. М.: Наука, 1988. С. 101-113.

Dresch P. A History of Modern Yemen. Cambridge University Press, 2000. pp. 140-143.

Лекция 8. Ислам как инструмент влияния при светском режиме (пример Египта)

«Инструментальный» подход правящих арабских режимов к исламу. Включение положений ислама в официальную государственную идеологию. Эгалитаристские аспекты ислама в идеологиях режимов Насера в Египте, Бумедьена в Алжире, Каддафи в Ливии. Ислам как общеарабское культурное наследие в светской идеологии баасистов (Сирия, Ирак). Постановка государственными режимами исламского духовенства в зависимое положение и превращение его в часть государственного аппарата.

Египетская революция 1952 года. Конфликт президента Насера с Братьями-мусульманами, разгром Братьев-мусульман, подчинение религиозного комплекса (духовенства, мечетей, исламских учебных заведений) государственному аппарату. Устранение шариатских судов и лишение духовенства возможности распоряжаться вакфами. Установление государственного контроля над религиозной пропагандой. Установление президентского контроля над аль-Азхаром, создание в нем факультетов естественных наук. Религиозный исламо-христианский популизм режима Насера. Лозунг «Наука и вера». Тезис о «социалистическом» характере ислама. Выполнение духовенством правительственных задач; предоставление духовенству возможностей государственного пропагандистского аппарата; высокая доля религиозной тематики в книжной продукции и в СМИ. Секуляризация быта и культурной жизни египтян в правление Насера: черты женской эмансипации, уменьшение степени половой сегрегации, европеизация кинематографа и журнально-книжной продукции.

Режим президента Садата (с 1970 г.) в Египте и начало политики инфитаха. Переориентация духовенства на пропаганду новой политики; стремление Садата покончить с «левым» наследием Насера. Устранение режимом деятелей левой ориентации с руководящих постов в прессе, на радио и телевидении, ликвидация госсектора в кино, театре, издательском деле. Ужесточение цензуры в области свободной, секуляристской мысли, клеветнические кампании против представителей светской интеллигенции левого толка. «Оживление» Братьев-мусульман и «отклик» режима на их требования. Конституция 1971 года: объявление ислама государственной религией, построение семьи на принципах религии, повышение уровня религиозности образования. Законы 1976-1978 гг. о соблюдении исламской нравственности и наказании за вероотступничество. Закон 1980 г.: превращение шариата в источник законодательства. Разрешение (в 1973 г.) Саудовской Аравии создавать и финансировать на территории Египта тысячу «исламских комитетов по борьбе против атеистического марксизма». Рост социального расслоения, подписание мира с Израилем, критика Братьями-мусульманами режима Садата, репрессии против них и убийство Садата.

Литература:

Ахмедов А. Социальная доктрина ислама. М., 1981. С. 93-104.

Васильев А.М. Египет и египтяне. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Вост. лит., 2008. С. 183, 314-315.

Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XX века. М.: Политиздат, 1989. С. 70-98.

Зарубежный Восток: религиозные традиции и современность. М.: Наука, 1983. С. 70-80.

Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х – начало 80-х годов XX в.). М.: Наука, 1986. С. 168-174.

Карпачева О.В. История исламской оппозиции в Египте. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. С. 46-50.

Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.2. М.: «Восточная литература» РАН, 2003. С. 166-167.

Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли (О некоторых немарксистских течениях после второй мировой войны). М.: Наука, 1984.

Лекция 9. Проблема женской эмансипации (пример Египта)

Определяющая роль женской эмансипации в модернизации мусульманского общества. Феминистические движения в арабском мире: феминизм исламский и светский. Мнение исламских традиционалистов о более привилегированном положении женщины в исламе, чем в светском обществе. Указания в Коране на равноправие полов при их разных семейно-общественных функциях. Шариатский принцип «Всеобщей декларации прав человека в исламе» (1981), разработанной Исламским советом Европы: равноправие женщины с мужчиной при условии выполнения женщиной своих семейных обязанностей и соблюдения требований исламской этики в отношении защиты ее чести и достоинства (ст. 19, 20). Аналогичные шариатские принципы в конституциях арабских стран: не равенство прав, а равные возможности мужчины и женщины обладать своими (разными) правами.

Мнение лидеров исламского фундаментализма о необходимости активного участия женщины в жизни общества. Идея светского феминизма о существующем неверном толковании установлений ислама в отношении женщины, о необходимости применения принципа *иджтихада* в их толковании. Хиджаб как внешнее выражение положения женщины в обществе. Разница символики хиджаба в глазах секуляристов и традиционалистов.

Реформы Насера 1950-60-х годов; конституции 1956 и 1964 г.: запрет дискриминации по половому признаку во всех областях социально-экономической и политической жизни. Отказ от ношения хиджаба и от половой сегрегации в городах в 1960-е годы. Политика *инфитаха* во

времена Садата; рост материальной самостоятельности женщин городского среднего класса и повышение их статуса в семье. Светский феминизм в общественной и литературной деятельности доктора Наваль ас-Са'дави (р. 1931); ее «Ассоциация солидарности арабских женщин» (1982-1991), борьба за женскую эмансипацию и сексуальное «освобождение» женщины.

Благотворительная и социально-политическая деятельность Братьев-мусульман в 1980-90-е годы; замедление процесса эмансипации, изменение в стиле женской одежды. Восстановление половой сегрегации, «мода» на хиджаб и «модный» хиджаб на рубеже XX-XXI вв. Общественный бойкот министра культуры Фарука Хосни в 2007 г. за его высказывание против хиджаба.

Литература:

Васильев А.М. Египет и египтяне. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Вост. лит., 2008. С. 183, 189-192.

Карпачева О.В. История исламской оппозиции в Египте. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. С. 136-154.

Малашенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь мир, 2006. С. 149-160.

Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М.: ООО «Садра», 2014. С. 49-56, 68-75.

Шайдуллина Л.И. Арабская женщина и современность: Эволюция ислама и женский вопрос. М.: Наука, 1978. С. 83-87.

Лекция 10. «Наступление» ислама и «отступление» секуляризма в конце XX – начале XXI в. (пример Египта и Йемена)

Окончательное угасание левых секуляристских движений и националистических идей в Египте при президенте Мубараке (с 1980-х годов) и стремление режима умиротворить Братьев-мусульман. Рост исламистских настроений в условиях социального неблагополучия. Сочетание зависти к Западу со старой убежденностью в превосходстве над «неверными». Отвержение идеологами исламизма оппозиции «вера-разум» как «не существующей» в исламе. «Маргинализация» светской интеллигенции. Политические, правовые, экономические, социальные и культурные цели Братьев-мусульман. Установление Братями-мусульманами контроля над профсоюзами, студенческими союзами и преподавательскими организациями (в конце 1980-х гг.); их благотворительная деятельность. Развитие исламских инвестиционных

компаний и их конфликт со светской банковской системой; подавление этих компаний государством и назревание конфликта между Братьями-мусульманами и государством. Восстановление государством контроля над профессиональными объединениями и его вынужденное отступление от своего светского характера. Расширение культурного пространства, отдаваемого на откуп религии. Рекордное расширение полномочий аль-Азхара в области цензуры художественной продукции; судебные и религиозные преследования представителей творческой интеллигенции. Появление в 1980-х годах и активизация в 1990-х годах исламистских экстремистских группировок. Террористическая война исламистских группировок против правительства, иноверцев и светской интеллигенции (1990-е годы): теракт против коптов и убийство публициста Фарага Фоды в 1992 г., нападение на Нагиба Махфуза в 1994 г., убийство членами группировки иностранных туристов в Каире и Луксоре в 1997 г. Подавление террористических группировок и дальнейшая исламизация общественной жизни.

Поощрение правительством Северного Йемена исламистских тенденций (с 1970-х годов) с целью борьбы с левой оппозицией. Создание и расширение в стране сети религиозных колледжей с помощью Саудовской Аравии; фундаменталистская идеология этих колледжей. Рост влияния исламистов: контроль над студенческими союзами и армейскими структурами (к сер. 1980-х гг.), над государственным Консультационным советом (к концу 1980-х гг.). Распространение исламизма на юге страны после объединения Йемена в 1990 г. Слияние исламистских сил с государственным аппаратом к середине 1990-х гг. Признание в 1994 г. шариата единственным источником права. Парламентские и уличные акции исламистов, их борьба за сегрегацию полов, за ограничение прав женщин, особенно на публичную деятельность, противостояние любому западному влиянию на общественную и культурную жизнь страны, преследование инакомыслящих политиков, журналистов, деятелей искусства. Террористическая деятельность исламистских экстремистских группировок с начала 2000-х годов.

Литература:

Васильев А.М. Египет и египтяне. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Вост. лит., 2008. С. 183-185, 296-338.

Жданов Н.В. Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века. М.: Политиздат, 1989. С. 80-88.

Зарубежный Восток: религиозные традиции и современность. М.: Наука, 1983. С. 70-80.

Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х – начало 80-х годов XX в.). М.: Наука, 1986. С. 67-132, 238-242.

Исламский фактор в истории и современности. М. : Восточная литература, 2011. С. 41-46.

Карпачева О.В. История исламской оппозиции в Египте. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. С. 155-203.

Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма. М: Ладомир, 2004.

Серебров С.Н. Йемен на пороге гуманитарной катастрофы (к событиям в горах Саады) // Восток (Oriens). 2008. №5. С. 66-69.

Фундаментализм. М.: ИВ РАН – Изд-во «Крафт+», 2003. С. 13-48.

Лекция 11. Ислам и светская культура в сети Интернет

Распространение использования информационных технологий в арабском мире. Пример роста числа пользователей Интернет в Египте: 1,5 млн в 2004 г. и 13,6 млн в 2008 г. Степень обеспеченности информационными технологиями разных стран арабского мира. Особая роль Интернет в распространении информации и обмена информацией в условиях половой сегрегации и государственной цензуры СМИ.

Использование сети Интернет группами исламских фундаменталистов. Внедрение ими идей радикального исламизма, создание сетевых радикальных групп, организация массовых мероприятий и экстремистских акций, хакерские атаки на представителей светской интеллигенции.

Внедрение принципов светской культуры через сеть Интернет: знакомство с общественной жизнью стран мира, сайты правозащитных организаций и их роль в формировании светских представлений о правах человека, сайты с научно-популярной и энциклопедической информацией, сайты, посвященные искусству. Роль Интернет как инструмента самообразования и самовыражения в условиях вынужденного «затворничества» (случай замужних мусульманок). Роль Интернет в обеспечении включения мусульманской женщины в публичную и экономическую сферу. Литературное творчество и литературная жизнь в сети Интернет: сайты литературных организаций, литературных журналов, персональные страницы писателей, обмен идеями и мнениями. Роль Интернет в обеспечении свободы слова и в формировании основ гражданского общества: обнародование случаев беззакония, противостояние тирании, обеспечение коллективных действий. Действия государства (законные и незаконные) по блокированию неудобных Интернет-ресурсов (примеры Саудовской Аравии и Сирии). Интернет в событиях «Арабской весны» 2011 года: страница Ваэля Гонима «Все мы – Халед Саид» в фэйсбуке и ее роль в египетском восстании.

Литература:

Гоним, Ваэль. Революция 2.0: Документальный роман. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2012.

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. М.: Издательство ЛКИ, 2012. С. 307-312.

Страны Востока в контексте современных мировых процессов: социально-политические, экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы. М.: ИВ РАН, 2013. С. 108-124.

Фарес В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. М.: Эксмо, 2012. С. 159-162.

Шишкина А.Р., Исаев Л.М. Арабский мир в цифровую эпоху: Социальные медиа как форма политической активности. М., 2014.

Ben Moussa, Mohamed. The Use of the Internet by Islamic Social Movements in Collective Action: The Case of Justice and Charity // Westminster Papers in Communication and Culture. University of Westminster, London. Vol. 8(2), 2011. pp.154-177 (в составе УМК).

Burkhart, Grey E.; Older, Susan. The information revolution in the Middle East and North Africa. RAND, Santa Monica, 2003 (в составе УМК).

РАЗДЕЛ III. ИСЛАМ И ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА

Лекция 12. Арабская литература и религиозная цензура в постколониальное время

Религиозно-правовой запрет в современных арабских странах на литературную критику практики ислама, на обсуждение вопросов, табуированных исламской моралью. Пример цензурской деятельности Академии исламских исследований при аль-Азхаре с 1975 года (с 2004 г. – право подвергать религиозной цензуре любую книжную и медиа-продукцию).

Судебное преследование сирийца Садека Джаляля аль-Азма (р. 1934) за сборник статей «Критика религиозной мысли» (1970). Критика автором господства в арабском обществе религиозного мировоззрения. Обвинение автора в оскорблении религии, скептическом отношении к религиозным убеждениям, насмешке над религией. Судебное преследование ливанки Лейлы Ба'альбаки (р. 1936) за сборник рассказов «Космический корабль нежности к Луне» (1963). Обвинение автора в оскорблении общественной морали. Запреты на распространение художественных произведений, оцененных религиозно-правовыми авторитетами как «порнографические». Обвинение египтянина Ихсана Абд аль-Куддуса (1919-

1990) в «безнравственности» его рассказов, и особенно повести «Девушки и лето» (1973). Запрет в большинстве арабских стран на распространение повести «История Захры» (1980) ливанки Ханан аш-Шайх (р. 1945) и повести «Сад чувств» (1993) ливанца Абдо Вазина (р. 1957). «Скандальное» творчество марокканца Мухаммеда Шукри (р. 1935): натуралистическое изображение сексуальных сцен и гротескный разврат в его сборниках рассказов «Одержимый розами» (1979), «Палатка» (1985), романах «Хлебом единым» (1982) и «Чрево базара» (1985). Запрет на распространение большинства произведений писателя в Марокко. Исламистская кампания 2000 года в Египте против сирийца Хайдара Хайдара (р. 1938), автора романа «Пир для водорослей» (1983). Обвинение автора в оскорблении ислама, Корана и пророка Мухаммеда, основанное на толковании отдельных пассажей романа вне контекста. Преследование исламскими радикалами египетской писательницы-феминистки Наваль ас-Са'дави (р. 1931) за ее высказывания в прессе и защиту прав женщин в творчестве. Романы писательницы «Падение имама» (1987) и «Джаннат и Иблис» (1992): обвинение мусульманских идеологов в ущемлении прав женщин. Оценка исламскими радикалами обоих романов как еретических. Обвинение исламскими радикалами в 1989 г. египетского писателя Нагиба Махфуза в вероотступничестве за публикацию им аллегорического романа «Дети нашего квартала» (1959). Интенсификация процесса культурной глобализации с 1990-х годов; преодоление арабской интеллигенцией исламских культурно-религиозных табу в художественной литературе и публицистике. Преследование исламистами в Кувейте в 1997 г. Лейлы аль-Осман за публикацию десятью годами ранее сборника рассказов, затрагивающих вопросы интимной жизни. Обвинение в 2000 г. в Кувейте профессора Али Шу'айб и издателя Йахьи ар-Рубей'ана в оскорблении религии публикацией материалов о лесбийских отношениях в стране. Преследование йеменского писателя Ваджди аль-Ахдаля за роман «Горные челны» (2002), «оскорбляющий религиозные и культурные устои общества».

Тенденция к разрушению мусульманских культурно-религиозных табу в литературе как реакция светской интеллигенции на исламизацию общественной жизни в одних странах (напр. в Йемене) или на религиозный консерватизм в других (Саудовская Аравия).

Литература:

Власова О.А., Дербисалиев А.Б., Прожогина С.В. Литература Марокко. М.: Наука, 1993. С. 99-106.

Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 275-276.

Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.2. М.: «Восточная литература» РАН, 2003. С. 127-128, 226-227.

Махфуз, Нагиб. Избранные произведения. М.: Панорама, 1992.

Религия и секуляризм на Востоке. М.: Наука, 1993. С. 91-104.

Bredstrup, Magnus. Religious Censorship in the Azhar // Arab-West Report, Paper 12, January 2009 (в составе УМК).

Hafez, Sabry. The Novel, Politics and Islam: Haydar Haydar's Banquet for Seaweed // New Left Review, 5, 2000, pp. 117-141 (в составе УМК).

Snir, Reuven. Modern Arabic Literature and Islamist Discourse: 'Don't Be Coolness, Don't Flutter Safety' // Journal of Arabic and Islamic Studies, 5, 2003-2004, pp. 78-123 (в составе УМК).

Лекция 13. Преодоление культурно-религиозных табу в художественной литературе Йемена

Марксистский курс руководства Южного Йемена (1970-80-е гг.) и политика разрушения исламских религиозно-культурных ценностей. Распространение модернистской эстетики в литературе Южного и Северного Йемена, ее местный, фрейдистский уклон. Образность, заимствованная из сферы интимных отношений, в рассказах сборников «Блуждающая из Йемена» (1974) и «Совсем девчонка» (1978) Мухаммеда Салеха Хайдары (р. 1952), «Купание в розовой воде радости» (1983) Майфа' Абд ар-Рахмана (р. 1951), «Женщина, которая бегала в солнечном пекле» (1977) Ахмеда Хасана аль-Ляузи (р. 1952). Отвержение религиозной морали и мусульманских культурных традиций в рассказах сборника Майфа' Абд ар-Рахмана «Купание в розовой воде радости».

Крах южнойеменского режима, объединение в 1990 г. двух частей страны в единое государство, рост исламистских настроений в объединенном Йемене и их неприятие светской интеллигенцией. Расширение доступа в сеть Интернет в 1990-е годы; конфликт идеологий культурной глобализации и мусульманского фундаментализма. «Освобождение» сексуальности от оков религиозной морали и неприятие мусульманской семейно-брачной традиции в сборнике рассказов Хабиба Сарури (р. 1956) «Возбужденный шепот в царстве мертвых» (2000) и в его романах «Дамлан» (2004) и «Птица разрухи» (2005). Неприятие мусульманской семейно-брачной традиции в романах Надии аль-Каукабани (р. 1968) «Всего лишь любовь» (2006) и «Покорные жены» (2009). Сексуальное и религиозное насилие как йеменская повседневность в романе «Покорные жены». Отвержение «брачных» установлений ислама в романе Али аль-Мукри (р. 1966) «Красавчик-иудей» (2009) и намеренное «смакование» автором сексуально-физиологических сцен в романе «Черный вкус, черный запах» (2008). Намеренное «смакование» сексуальных сцен в «политическом» романе Мухаммеда аль-Гарби Амрана (р. 1958) «Красный манускрипт» (2010).

Постмодернистские тенденции в йеменской прозе как реакция на общественный идеологический кризис после объединения Йемена в 1990 г. Черты йеменского постмодернизма: пародирование мусульманского культурно-религиозного наследия, тотальная ирония, «черный юмор» сексуально-физиологического характера. Постмодернистская пародия в творчестве Ваджди аль-Ахдаля (р. 1973). Резкая сатира на культурное состояние современного мусульманского мира в рассказах «Письмо бедуина» из сборника «Цветок путника» (1998) и «Газеты третьего тысячелетия» из сборника «Портрет негодяя» (1998). Роман-пародия аль-Ахдаля «Горные челны» (2002) и вызванный его публикацией общественный скандал. Оценка романа консервативными кругами: «оскорбление религиозных и культурных устоев общества». Преследования автора романа со стороны государственных структур и исламских фундаменталистов. Государственное, религиозное и сексуальное насилие – три основных мотива романа. «Нейтральное» изображение «порнографических» сцен в романе как способ передачи повседневной атмосферы «грязи». Пародии на коранические образы и сюжеты в романе. Религиозное и сексуальное насилие в последующих романах аль-Ахдаля: «Осел среди песен» (2004) и «Философ аль-Карантины» (2007). Пародия на современный мусульманский мир в романе «Философ аль-Карантины». Черный юмор сексуально-физиологического характера в рассказах сборников Мухаммеда аль-Гарби Амрана «Голая тень» (1998), «Женщины, прости Господи!» (2001), «Обрезание Билкис» (2002) и «Черный минарет» (2004).

Литература:

Суворов М.Н. «Большая» проза Йемена во второй половине первого десятилетия XXI века // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 13. Вып. 4. С. 83-91.

Суворов М.Н. Новые манеры письма в йеменской прозе 1990-х – 2000-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 9. Вып. 2. С. 185-193.

Суворов М.Н. Новые романы из Йемена: между откровением и эпатажем // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 13. Вып. 4. С. 60-70.

Суворов М.Н. Постмодернистские романы-пародии йеменского писателя Ваджди аль-Ахдаля // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 9. Вып. 3. С. 289-296.

Суворов М.Н. Постмодернистские тенденции в современной арабской литературе (пример йеменской художественной прозы 1990 – начала 2000-х гг.) // Постмодернизм в литературах Азии и Африки. Очерки. СПб., 2010. С. 72-122.

Суворов М.Н. Проблемы современного Йемена в произведениях Хабиба Сарури // Восток (Oriens). 2009. №5. С. 101-106.

Суворов М.Н. Творчество йеменских прозаиков-модернистов (70-80-е годы XX века) // Востокведение. 2008. Вып. 28. С.110-126.

Суворов М.Н. Художественная проза Йемена (1940 – середина 2000-х годов). СПб., 2010. С. 200-217, 262-294, 320-333.

Лекция 14. Преодоление культурно-религиозных табу в художественной литературе Саудовской Аравии

Тенденция к разрушению мусульманских культурно-религиозных табу в литературе Саудовской Аравии в 2000-е годы. Расширение непосредственного знакомства саудитов с западными принципами личной свободы, свободы совести и вероисповедания (через учебу за рубежом, иностранные СМИ, сеть Интернет). Конфликт молодого поколения саудитов, воспринявших общественные стандарты западного мира, с официальной государственной идеологией и практикой ваххабизма. Романная трилогия Турки аль-Хамада (р. 1952) «Призраки в безлюдных переулках» (1995-1998) – преодоление табу на темы религии, политики и интимных отношений. Откровенные сексуальные сцены в романе, нарушение установлений ислама героями, сомнения главного героя в существовании Бога. Судебные преследования автора и запрет на распространение романов трилогии в Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне. Издание романов в английском переводе и читательский спрос на них. Сексуальное насилие и гомосексуализм в романе Йусуфа аль-Мухаймида (р. 1964) «Обонятельные ловушки» (2003). Запрет на распространение романа в Саудовской Аравии и читательский спрос на него. Издание романа на английском языке под заглавием «Wolves of the Crescent Moon». Саудовский женский роман начала XXI века как особое социально-культурное явление. Роман Раджа ас-Сане' (р. 1981) «Девушки Эр-Рияда» (2005), его издание на английском языке в 2007 и 2007 г. Изображение нарушения установлений ислама героинями романа: их тайное общение с представителями противоположного пола, «неблагочестивые» – с точки зрения идеологов ваххабизма – помыслы, тайное употребление спиртных напитков. Мнение консервативных кругов о романе как о «развращающем молодежь» и порочащем образ мусульманского общества Саудовской Аравии. Запрет на распространение романа в Саудовской Аравии и бурный читательский отклик. Угрозы автору романа и ее переезд в США. Роман «Девушки Эр-Рияда» как манифестация стремления нового поколения саудовских женщин к личной свободе. Религиозное и сексуальное насилие в романе Варды Абд аль-Малик (ас-Сули) «Возвращение» (2006). Обилие натуралистичных сексуально-физиологических сцен в романе, высмеивание мусульманских духовных ценностей и сущности Бога, отрицание божественной справедливости. Осуждение в романе религиозного лицемерия саудовского общества. Критика

романа консервативными религиозными кругами. Лесбийские отношения в саудовском обществе в романе Сыба аль-Хариз «Другие» (2006). Роман Самар аль-Мукрин (р. 1965) «Женщины порока» (2008) – обличение религиозного насилия в Саудовской Аравии, осуществляемого государственно-религиозными органами. Роман Хани Накшбанди (р. 1963) «Злоупотребление» (2007; рус. перев.: «Исповедь арабской женщины», 2009) – изображение религиозного лицемерия и нарушения установлений ислама героинями романа: их тайное общение с представителями противоположного пола, «неблагочестивые» помыслы, тайное употребление спиртных напитков.

Литература:

Накшбанди, Хани. Исповедь арабской женщины. М.: Библос консалтинг, 2009.

Смирнова Е.Д. Современный «женский» роман в Саудовской Аравии как культурный и литературный феномен. Магистерская диссертация. Восточный факультет СПбГУ: СПб., 2013 (рукопись).

Улангина А.О. Социальные проблемы саудовского общества в современном саудовском романе. Магистерская диссертация. Восточный факультет СПбГУ: СПб., 2013 (рукопись).

Лекция 15. Образ исламского фундаментализма в арабской литературе (пример литературы Йемена)

Первые изображения исламистского менталитета в арабской литературе: романы «ас-Суккарийя» (1957) Нагиба Махфуза и «Землетрясение» (1974) ат-Тахера Ваттара, повесть «аль-Махди» (1977) Абд аль-Хакима Касема, рассказ «Убей её» (1981) Йусуфа Идриса, роман «Слоны» (1981) Фатхи Ганема. Романы эпохи распространения исламского фундаментализма: «Те дни» (1999) Фатхи Ганема, «Дом Якобяна» (2002) Аля' аль-Асуани, «Луна над Самаркандом» (2005) Мухаммеда Минси Киндиля, «Жизнь лучше, чем рай» (2006) Халеда аль-Берри, «Лебединая песня» (2007) Маккави Са'ида, «Дуга и мотылек» (2010) Мухаммеда аль-Аш'ари, «Салафит» (2014) Аммара Али Хасана.

История распространения исламского фундаментализма в Йемене и его неприятие национальной светской интеллигенцией. Пародия на публичные акции и частную жизнь исламистов в романе Ваджди аль-Ахдаля «Горные челны» (2002). Пародия на формирование исламистского менталитета и исламистский экстремизм в романе Ваджди аль-Ахдаля «Философ аль-Карантины» (2007). Изображение косности менталитета исламского фундаменталиста в повести Хинд Хейсам (р. 1987) «Древесная война» (2003). Пародия на акции исламских фундаменталистов в рассказе Мухаммеда аль-Гарби Амрана «Черный минарет» из

одноименного сборника (2004). Неприятие деятельности исламистских проповедников и ее влияния на повседневную жизнь в романе Хабиба Сарури «Птица разрухи» (2005). Неприятие деятельности фундаменталистов в сфере высшего образования в романе Надии аль-Каукабани «Всего лишь любовь» (2006). Негативный психологический портрет исламского радикала в романе Мухаммеда аль-Гарби Амрана «Красный манускрипт» (2010). Мнения арабских исследователей о причинах недостаточной выраженности темы исламского фундаментализма в современной арабской литературе.

Литература:

Аль-Асуани, Аля. Дом Якобяна. М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2008.

Ваттар, ат-Тахир. Туз. Землетрясение. М.: Прогресс, 1980.

ЛИТЕРАТУРА

Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М.: Дело и сервис. 2000.

Амин, Касим. Новая женщина. Пер. и предисл. И.Ю. Крачковского. СПб., 1912.

Аль-Асуани, Аля. Дом Якобяна. М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2008.

Ахмедов А. Социальная доктрина ислама. М., 1981.

Васильев А.М. Египет и египтяне. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Вост. лит., 2008.

Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). Изд. 2-е, расшир. И доп. М.: Классика плюс, 1999.

Ваттар, ат-Тахир. Туз. Землетрясение. М.: Прогресс, 1980.

Власова О.А., Дербисалиев А.Б., Прожогина С.В. Литература Марокко. М.: Наука, 1993.

Гоним, Ваэль. Революция 2.0: Документальный роман. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2012.

Джабарти А. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776-1798). М.: Изд-во восточной литературы, 1978.

аль-Джанаби М.М. Философия современной мусульманской реформации. М., 2014.

Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени (Египет и Сирия). Просветительский роман 1870-1914. М.: Наука, 1973.

Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика 1870-1914. М.: Наука, 1968.

Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XX века. М.: Политиздат, 1989.

- Зарубежный Восток: религиозные традиции и современность. М.: Наука, 1983.
- Иванов А.Ю. Наполеон в Египте. М., 2012.
- Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х – начало 80-х годов XX в.). М.: Наука, 1986.
- Ислам и светское государство. Ташкент, 2003 (в составе УМК).
- Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 2001.
- Исламский фактор в истории и современности. М. : Восточная литература, 2011.
- Карпачева О.В. История исламской оппозиции в Египте. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
- Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма. М: Ладомир, 2004 (в составе УМК).
- Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1989.
- Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1-2. М.: «Восточная литература» РАН, 2002-2003.
- Крымский А.Е. История новой арабской литературы XIX - начала XX века. М.: Наука, 1971.
- Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли (О некоторых немарксистских течениях после второй мировой войны). М.: Наука, 1984.
- Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли. 1917-1945. М.: Наука, 1979.
- Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М.: Наука, 1972.
- Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования. М., 2005.
- Левин З.И. Рыцарь свободной мысли. М., 1998.
- Луис, Бернард. Ислам и Запад. М.: ББИ Св. Апостола Андрея, 2003.
- Лэйн Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М.: Наука, 1982.
- Максименко В.И. Интеллигенция а странах Магриба. М., 1980.
- Малашенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь мир, 2006 (в составе УМК).
- Махфуз, Нагиб. Избранные произведения. М.: Панорама, 1992.
- Монтаж и демонтаж секулярного мира. М.: Российская политическая энциклопедия, 2014.
- Накшабанди, Хани. Исповедь арабской женщины. М.: Библос консалтинг, 2009.
- Народная Демократическая Республика Йемен: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1985.
- Религия и секуляризм на Востоке. М.: Наука, 1993.
- Родионов М.А. Ислам классический. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2001.

Сапронова М.А. Государственный строй и конституции арабских республик. М.: Муравей, 2003.

Серебров С.Н. Йемен на пороге гуманитарной катастрофы (к событиям в горах Саады) // Восток (Oriens). 2008. №5. С. 66-79.

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. М.: Издательство ЛКИ, 2012.

Смирнова Е.Д. Современный «женский» роман в Саудовской Аравии как культурный и литературный феномен. Магистерская диссертация. Восточный факультет СПбГУ: СПб., 2013 (рукопись).

Степаньянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX-XX в. М., 1982.

Страны Востока в контексте современных мировых процессов: социально-политические, экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы. М.: ИВ РАН, 2013 (в составе УМК).

Суворов М.Н. «Большая» проза Йемена во второй половине первого десятилетия XXI века // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 13. Вып. 4. С. 83-91.

Суворов М.Н. Новые манеры письма в йеменской прозе 1990-х – 2000-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 9. Вып. 2. С. 185-193.

Суворов М.Н. Новые романы из Йемена: между откровением и эпатажем // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 13. Вып. 4. С. 60-70.

Суворов М.Н. Постмодернистские романы-пародии йеменского писателя Ваджди аль-Ахдаля // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 9. Вып. 3. С. 289-296.

Суворов М.Н. Постмодернистские тенденции в современной арабской литературе (пример йеменской художественной прозы 1990 – начала 2000-х гг.) // Постмодернизм в литературах Азии и Африки. Очерки. СПб., 2010. С. 72-122.

Суворов М.Н. Проблемы современного Йемена в произведениях Хабиба Сарури // Восток (Oriens). 2009. №5. С. 101-106.

Суворов М.Н. Творчество йеменских прозаиков-модернистов (70-80-е годы XX века) // Востоковедение. 2008. Вып. 28. С.110-126.

Суворов М.Н. Художественная проза Йемена (1940 – середина 2000-х годов). СПб., 2010.

Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М.: ООО «Садра», 2014.

Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. М.: Наука, 1992.

Улангина А.О. Социальные проблемы саудовского общества в современном саудовском романе. Магистерская диссертация. Восточный факультет СПбГУ: СПб., 2013 (рукопись).

Фарес В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. М.: Эксмо, 2012.

Фундаментализм. М.: ИВ РАН – Изд-во «Крафт+», 2003.

Черновская В.В. Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М., 1979.

Шайдуллина Л.И. Арабская женщина и современность: Эволюция ислама и женский вопрос. М.: Наука, 1978.

Шарипова Р.М. Концепции «национального просвещения» в мусульманских странах: Соотношение ислама и секуляризации. М.: Наука, 1991.

Шишкина А.Р., Исаев Л.М. Арабский мир в цифровую эпоху: Социальные медиа как форма политической активности. М., 2014.

Шруль, Клаус-Дитер. Сабах – утренняя заря. М.: Наука, 1986.

Этикет у народов Передней Азии. М.: Наука, 1988.

Ben Moussa, Mohamed. The Use of the Internet by Islamic Social Movements in Collective Action: The Case of Justice and Charity // Westminster Papers in Communication and Culture. University of Westminster, London. Vol. 8(2), 2011. pp.154-177 (в составе УМК).

Bredstrup, Magnus. Religious Censorship in the Azhar // Arab-West Report, Paper 12, January 2009 (в составе УМК).

Burkhart, Grey E.; Older, Susan. The information revolution in the Middle East and North Africa. RAND, Santa Monica, 2003 (в составе УМК).

Dresch P. A History of Modern Yemen. Cambridge University Press, 2000.

Hafez, Sabry. The Novel, Politics and Islam: Haydar Haydar's Banquet for Seaweed // New Left Review, 5, 2000, pp. 117-141 (в составе УМК).

Snir, Reuven. Modern Arabic Literature and Islamist Discourse: 'Don't Be Coolness, Don't Flutter Safety' // Journal of Arabic and Islamic Studies, 5, 2003-2004, pp. 78-123 (в составе УМК).

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЛЕКЦИИ 13

Преодоление культурно-религиозных табу в художественной литературе Йемена

М.Н.Суворов

В начале 1970-х годов в новеллистике Южного (НДРЙ) и Северного Йемена (ЙАР), едва успевшей к тому времени вступить на путь критического реализма, начались изменения, касающиеся как структуры новеллы и системы образов, так и авторского видения мира вообще. Импульс к этим изменениям, несомненно, пришел от писателей Египта, чьи произведения, следующие с начала 1960-х годов самым различным направлениям европейского модернизма, стали в обеих частях Йемена общедоступными. Вышедший в августе 1975 г. специальный номер йеменского литературного журнала «аль-Хикма», посвященный национальному рассказу, показал, насколько широкий размах приобрели эти изменения. Из опубликованных в журнале двадцати четырех рассказов лишь один-два следовали реалистической традиции, все остальные представляли собой «новое письмо».

Быстрое развитие национальной прессы в обеих частях Йемена и общий рост грамотности населения, особенно в Южном Йемене, способствовали появлению большого числа молодых авторов, чья тяга к экспериментаторству и следованию литературной моде остального арабского мира намного превышала их писательский опыт, а зачастую и талант. Некоторые из них получили образование за рубежом, что определило их стремление к ломке архаичных культурных традиций йеменского общества, и особенно – в силу юного возраста большинства авторов – к большей свободе отношений между полами. Не имея возможности, а то и просто стесняясь говорить об этой деликатной сфере напрямую, молодые авторы давали выход своей подавленной сексуальности, либо используя заимствованную из интимной сферы образность в качестве аллегории явлений более высокого порядка, либо отсылая читателя непосредственно к интимной сфере при помощи иных художественных средств. Особенно заметным это было в творчестве писателей из Южного Йемена, леворадикальный режим которого пытался построить «новое общество», беспощадно круша все традиционное в сфере социальных отношений, культуры и религии.

Одним из таких писателей, причем одним из наиболее плодотворных, был аденский автор Мухаммад Салех Хайдара (род. 1952), получивший образование в Египте. Он опубликовал три сборника рассказов: «Блуждающая из Йемена» (Хаима мин аль-Йаман, 1974), «Совсем девчонка» (Мурахика джиддан, 1978) и «Странствующие облака» (ас-Сухуб аль-мусафира, 1980). Не имея предварительного опыта в создании реалистических сюжетов, Хайдара сразу

погрузился в сферу чувств и эмоций. В рассказах его первого сборника действие, как правило, занимает лишь второй план, уступая место внутреннему монологу повествователя, ассоциирующегося с самим автором. Общей чертой его рассказов является их мотив – состояние отчуждения, вызванное неприятием существующей реальности, и поиск выхода из этого состояния. Одной же из причин этого отчуждения выступает осознание невозможности удовлетворения человеком своих естественных сексуальных потребностей. Так, например, девица легкого поведения из рассказа «Погружение в потоп» предстает едва ли не ученицей Фрейда, когда объясняет полицейскому сексуальную сторону психологии йеменца: «Я не совершила никакого преступления. Я – жертва несправедливого общества, страдающего от комплексов. Это общество подавляет в себе сексуальность, заставляя ее изливаться в зверскую жестокость, вместо того, чтобы попытаться хоть что-нибудь понять в сфере интимного, набраться культуры и, насытив свою страсть, покончить со своими вечными комплексами и жестокостью». Несомненно, эта героиня служит аллегорией молодого поколения Йемена, к которому принадлежал сам автор.

Близким к Хайдаре по манере письма и авторскому мироощущению был другой прозаик-модернист, Мухаммад Абд ар-Рахман Ахмад (род. 1951), писавший под псевдонимом Майфа' Абд ар-Рахман. Идейной основой его творчества стало резкое неприятие всего традиционного, и по оценке египетского литературоведа Абд ал-Хамида Ибрахима он проявил себя не столько человеком искусства, сколько бунтарем, бросающим вызов обществу, глумящимся над верой, культурой, традициями и обычаями отцов.

Подобные творческие установки Майфа' Абд ар-Рахмана во многом объясняются его биографией. Уроженец Адена, с юности буквально напичканный леворадикальными идеями, после окончания сельскохозяйственного колледжа он был направлен на практическую работу в южнойеменскую глубинку. Косность сельского населения вызвала у молодого радикала настоящий шок, отразившийся на тональности рассказов его первого сборника «Девственность невесты» (Бикарат аль-'арус, 1975) и в частности на образе Заатара, героя нескольких рассказов, который варьирует от революционно настроенного батрака до ведущего монотонное полунищенское существование рабочего хлопкоочистительного заводика. В последнем рассказе Заатар гибнет глупой смертью при несчастном случае, описанном автором с нарочитым жестоким натурализмом.

Вернувшись из провинции в Аден, Майфа' Абд ар-Рахман был принят на партийную работу и вскоре поступил учиться в московский Литературный институт им. А.М. Горького. Вольготная студенческая жизнь в Москве, несомненно, только усилила отвращение Майфа' к традиционному укладу жизни Йемена, что нашло свое отражение в рассказах его второго

сборника «Купание в розовой воде радости» (аль-Истихамм би-ма' вард аль-фахах 1983), вышедшего вскоре после возвращения писателя на родину.

Написанные довольно сложным языком рассказы Майфа' Абд ар-Рахмана изобилуют социально-политическими аллегориями и символами. Лейтмотивом обоих сборников стало отвержение традиционной морали, наиболее ярко выразившееся в критике существующих отношений между полами. Так, по мнению писателя, брак в Йемене не имеет никакого отношения к любви, являясь лишь актом купли-продажи невесты. Любовь и интимные отношения, которым позволено существовать лишь в рамках такого, исключительно коммерческого брака негативно сказываются на самом обществе. «Ненормальных из нас делает секс, – говорит одна из его героинь. – Ведь это дико, что человек торжественно везет его другому человеку под сигналы автомобилей и радостное улюлюканье женщин – туда, где уже надушены благовониями подушки и висят новые занавески. Там происходит кульминация, со вздохами и церемониями, с обнажением рук и ног, а вскоре, после рождения детей, этот секс превращается в нечто жалкое, замученное или неполноценное».

Заставляя своих героев страдать от невозможности открыто выразить чувства, вступать в брак с теми, кого любят, Майфа' порой вкладывает в их уста нигилистические с точки зрения традиционного общества мысли. «Почему человек на завтрак всегда должен есть лишь фасоль? И почему я один должен владеть Набилей, не позволяя другим поучаствовать в этой игре?» – размышляет о своих отношениях с возлюбленной героиней рассказа «Дождь, гора, я и мой друг». Ревность, чувство собственника по отношению к женщине, саму сакральность интимной жизни, закрепленные исламом и традициями, Майфа' низводит здесь до уровня потребления пищи. Девушки в его рассказах настроены не менее радикально, чем молодые люди. Так, героиня рассказа «Пусть будет ослом тот, кого я называю любимым» говорит: «Теперь мне остается только спалить наш дом со всеми его собаками, большими и маленькими, со всеми его оковами, начиная с телевизора и стиральной машины и заканчивая накидками и шароварами сестер и маникюрными ножницами старшего брата. Наверное, это лучше чем травиться газом или вскрывать себе вены, потому что последнее внушает мне еще большее отвращение, чем забота отца о сохранности моей девственной плевы». Все эти вызывающе смелые высказывания писателя об отношениях полов позволяют считать его сторонником не только культурной, но и, в определенном смысле, сексуальной революции.

Помимо рассказов, не выходящих в целом за рамки реалистической образности, у Майфа' довольно много рассказов, аллегорических по смыслу и сюрреалистических по форме. Смысл некоторых образов в этих рассказах угадывается благодаря указанию, прямому или косвенному, на ключевые даты новейшей истории Йемена. Наиболее интересен в этом отношении рассказ «Девственность невесты», в котором история йеменской революции представлена в виде

отношений двух влюбленных: матери-родины и сына-народа. Хотя образы влюбленных крайне сюрреалистичны, в подробностях их связи просматриваются отдельные этапы новейшей истории страны. В финале рассказа, символизирующем приход к власти леворадикальных сил на Юге, сын, после предыдущих неудачных попыток, лишает, наконец, наполовину парализованную мать (намек не раздел Йемена) девственности (!), что приводит влюбленную пару в состояние экстаза.

Падение южнoйеменского леворадикального режима и объединение двух частей Йемена в 1990 г. в единое государство сопровождалось возрождением былых религиозно-культурных традиций в южной части страны и усилением исламского фундаментализма во всем объединенном Йемене. Усиление фундаментализма привело к ликвидации многих гражданских свобод, особенно гражданских прав йеменской женщины. Это вызвало резко негативную реакцию со стороны той части творческой интеллигенции, чье мироощущение было уже в той или иной степени «светским». Одним из писателей, смело критикующим «крайности» проявления культурно-религиозной традиции в объединенном Йемене, стал Хабиб Сарури (род. в 1956 г.), уроженец Адена, с 1976 г. постоянно проживающий во Франции. Причина популярности его произведений заключается не столько в его литературном мастерстве, еще только формирующемся, сколько в его «западной» откровенности в темах политики, религии и чувственного аспекта любви, что в последние десятилетия неизменно обеспечивало успех произведениям и других арабских авторов.

Одним из наиболее ярких проявлений культурной отсталости Йемена в произведениях Сарури предстает архаичная сексуальная мораль, определяющая бесправное положение женщины в семье и в обществе. Писатель критикует это положение с позиций «западного» представления о свободе личности, несвойственного йеменской литературной традиции, отражающей традицию религиозную. Если, к примеру, отношения двух влюбленных в йеменской прозе всегда было принято изображать почти как платоническое чувство, а проявление плотского желания служило неизменной характеристикой отрицательного героя, то в произведениях Сарури главный герой всегда жаждет секса, наслаждается им, размышляет о его физиологии, оставаясь при этом порядочным человеком.

Тема отсталости страны в целом и архаичной сексуальной морали в частности стала лейтмотивом рассказов сборника «Возбужденный шепот в царстве мертвых» (Хамасат харра мин мамлякат аль-маута, 2000), послуживших как бы материалом для второго романа Сарури «Дамлан» (2004), куда из этих рассказов переключались многие мысли, сюжетные ходы и образы отдельных персонажей.

В довольно рыхлом сюжете романа отчетливо представлены две основные идеи: чудовищная отсталость современного Йемена и бедственное положение йеменской женщины.

Собственно, эти две темы, к которым автор со свойственными ему откровенностью и остроумием возвращается вновь и вновь на протяжении всего повествования, и придали роману ту остроту, которая обеспечила ему популярность среди йеменских читателей.

Трагические судьбы йеменских женщин, таких как Сусан, первая возлюбленная Видждана, выглядят еще более трагично на фоне описываемой автором свободы, которой пользуются француженки. «Заполучить красавицу в этих краях, – говорит Видждан, – настолько трудно, что иногда просто невозможно. Девушку здесь не приобретешь ни за брачный выкуп, ни за слонов, увешанных золотом; она абсолютно не нуждается в том, чтобы ты покупал ей еду и одежду и оплачивал ей номер в гостинице во время каникул; твоя мать не пойдет к ее матери, чтобы попросить руки девушки, заплатив за нее деньги; не говоря уже о том, что девушка здесь с детства не приучена к покорности и подчинению мужчине». Собственно, под свободой женщины Сарури прежде всего понимает свободу проявления любовных чувств, которая невозможна в Йемене так же, как в конечном счете невозможна в Йемене и сама любовь. «Все мы, – говорит Видждан, – представители этого несчастного общества, не знающего ни нормальной пищи, ни чистой воды, ни образования, ни законов, ни современной технологии, ни медицины, ни власти, кроме власти племен, ни прогресса, ни нормальной достойной жизни, ни благополучия, ни благосостояния, ни каких-либо элементарных вещей, необходимых для жизни человека, лишены, прежде всего, любви». Женское бесправие писатель считает едва ли ни главной причиной отсталости Йемена, и, видимо, поэтому фантастическая сюжетная линия «Дамлана» завершается женской революцией. «О, Господи, – говорит Видждан, – как же я боготворю женщину! Я считаю ее единственной надеждой и единственным спасением от этой мрачной, давящей, унылой жизни, которая предначертана нашему народу. Я искренне верю в то, что это больное чахлое общество поднимется на ноги только тогда, когда пробьет час женской революции, и наступит эпоха правления женщины».

Следующий роман Сарури «Птица разрухи» (Та'ир аль-хараб, 2005) стал настоящим обвинительным приговором правящим Йеменом архаичным традициям. Сюжет романа на этот раз оказался более стройным, хотя и в нем можно заметить некоторые сюжетные «натяжки». Главный герой Нашван, йемец, работающий преподавателем в одном из вузов Франции, влюбляется в Ильхам, йеменскую студентку, обучающуюся там же, во Франции, и через некоторое время они женятся. В первые же дни совместной жизни Нашван обнаруживает, что жена равнодушна к интимным отношениям и не в состоянии испытывать оргазм. В деталях описывая эту ситуацию, автор вторгается в абсолютно незнакомую йеменской прозе сферу и будто бросает тем самым вызов сложившейся литературно-культурной традиции. Неудовлетворенность Нашвана своей интимной жизнью, а также провал всех попыток супругов произвести на свет ребенка постоянно мучают героя, который предполагает, что корень

проблемы уходит в прошлое Ильхам. Через десяток лет их совместной жизни Ильхам внезапно исчезает, и Нашван отправляется в поисках жены в Йемен, где сталкивается с реалиями современной йеменской жизни: чудовищными беззакониями властей, нищетой населения, детской проституцией и т.п. В конце концов, герой выходит на след своей супруги и узнает, что в детстве ее и ее сестру насиловал отец, шейх одного из северойеменских племен. Здесь Сарури сам несколько портит свой творческий замысел: рассказ об изнасиловании малолетних девочек их отцом выглядит как бы кульминацией рассуждений автора о бесправии йеменской женщины, обусловленном архаичными традициями, однако подобное изнасилование является проявлением вовсе не традиций, а психического отклонения, встречающегося в любом, даже самом цивилизованном обществе.

Так или иначе, рассуждения писателя о положении женщины в Йемене и здесь представляют явно «западный», не свойственный большинству йеменцев взгляд. Например, свои сугубо интимные проблемы герой романа склонен связывать с йеменскими культурными традициями: «Причиной отвращения Ильхам к интимным отношениям, или просто ее холодности, я считал ту зажатость, которая царит в йеменском обществе вообще, и особенно в сексуальной сфере, ту традицию запретов, которую йеменец, и особенно йеменка, впитывает с детства вместе с молоком матери. Я прочитал об этом все книги Наваля ас-Саадави, вспомнил также мнение Артюра Рембо о нашей стране, которую он назвал «адом для женщин». Вспомнил я и слова Карла Маркса, который писал, что уровень общественного прогресса в любом обществе определяется тем, насколько свободна в нем женщина. Иными словами, тот термометр, который показывает степень благополучия женщины, развития ее личности, ее свободы и счастья, одновременно показывает степень общественного прогресса».

Неприятие героем романа женского хиджаба, свойственное аденской молодежи 1970-х годов, также очень близко «западному» восприятию этого явления: «Стаи женщин закутаны в черные балахоны и плотные вуали, позволяющие видеть только их глаза. Глядя на эти балахоны и вуали, испытываешь злость, страх и боль. Некоторые вуали закрывают лицо полностью, вместе с глазами, так что женщина рискует врезаться в первый попавшийся фонарный столб или попасть под проезжающий автомобиль. В этой ужасной летней влажной жары ты готов содрать с себя хлопчатобумажную майку, и даже собственную кожу – настолько невыносима эта природная раскаленная соковыжималка, где температура достигает сорока градусов в тени, а влажность превышает девяносто процентов. А эти женщины с ног до головы закутаны в балахоны, вуали, лицевые маски и плотные черные перчатки – как полярники. Кто заставил их выносить эти страдания? Какая садистская фетва принудила их вести столь нечеловеческий образ жизни? Издавать этот неотвязный запах, представляющий собой отвратительную смесь запаха разлагающегося пота, закисших благовоний и дешевых духов?»

Тебя охватывает чувство горького разочарования: в юности ты постоянно мечтал о «женской революции», необходимой для спасения этой несчастной, измученной, беспомощной страны, и вот эти женщины на твоих глазах принимают рабство и унижение, не известные и во времена первобытного человека! В приступе раздражения и неприятия так и хочется сказать: да пропади они пропадом! Тот, кто принимает подобное унижение, его и достоин! Потом раздражение понемногу стихает, злость смягчается. Ты вдруг понимаешь, что когда уезжал из этого города, женщины здесь ходили по большей части в открытой одежде, девочки учились в школах вместе с мальчиками. А теперь, когда ты вернулся, они кутаются во всю эту черную жуть. Вот беда так беда! С иронией вспоминаешь, что кто-то когда-то говорил о «необратимости прогресса». Ему бы стоило сказать о необратимости мерзости и необратимости трагедии!».

В условиях вопиющей культурной, социальной и экономической отсталости Йемена возмутительной представляется писателю манера деятельности мусульманских проповедников: «Четыре микрофона, расположенные на большом расстоянии один от другого в центральной части квартала и связанные длинными проводами с минаретом соседней мечети, вещают на весь город молитвы и проповеди. Проповедник поучает людей среди бела дня. О чем же он говорит? О голоде? Нет. О нищете? Тоже нет. О том, что простого человека грабят и унижают? О коррупции, которая пронизала эту страну насквозь, сверху донизу? О бесконечных перебоях в водо- и электроснабжении? Нет! О секс-туризме и детской проституции? Нет! О самых жалких в мире системах здравоохранения и образования? О самых низких в мире показателях социально-экономического развития? Нет! О чем же, в таком случае, он говорит в своей проповеди? О губной помаде! Представьте себе! О том, как правильно бить жену, если она красит губы помадой! Он советует использовать плеть. А наносить удары рекомендует только по участку тела, расположенному между шеей и ступнями. Бить плетью по лицу он не рекомендует. Какая удивительная человечность!»

В описании жизни Нашвана во Франции есть такой пассаж: «Элис не обидели мои слова, поскольку она (как и все граждане Франции, где уже почти целое столетие ни государство, ни образовательные учреждения не признают никакой религии, включая христианскую) ничего не слышала об адском пламени, или просто забыла об этом понятии, даже если и слышала о нем когда-нибудь в каком-нибудь разговоре вне стен школы». Сопоставив два приведенных выше пассажа, легко понять отношение автора к религиозной радикализации йеменского общества и, возможно, к религиозности вообще. В Йемене, где проповедник вещает свои проповеди на весь город, жить невозможно, а во Франции, где никого не заботит существование ада и рая, все делается ради блага человека.

Очень близка по творческой манере к Хабибу Сарури одна из наиболее известных йеменских писательниц Надия аль-Каукабани (род. в 1968 г.). Повествование в ее первом

романе «Всего лишь любовь» (Хубб лейса илля, 1996) также ведется от лица главной героини, в которой угадываются многие черты самой писательницы. Героиня романа, преподавательница университета Саны, перебирая свои скопившиеся за многие годы дневники, рассказывает историю своей личной, семейной и профессиональной жизни, охватывающую период с конца 1970-х до начала 2000-х годов.

Учеба и работа героини в университете Саны заставляет ее испытать на себе то давление, которое на студенческое сообщество и на всю систему образования оказывают исламские фундаменталисты. Трехдневная экскурсия лучших выпускников и выпускниц одного из факультетов в Аден вызвала среди учащихся-исламистов бурю негодования. «В факультетской мечети, – рассказывает героиня, – после полуденной молитвы они выслушали длинную проповедь, темой которой стала наша поездка. Каждую мелочь, связанную с этой поездкой, они раздули до невероятных размеров, назвав саму идею поездки преступлением, а совместное участие в ней студентов и студенток – ужасным грехом. Они сочинили невероятную ложь о программе экскурсии... в которой, якобы, творились такие вещи – созданные их большим воображением и косным сознанием – какие нормальным людям даже в голову прийти не могут. Придумать их способен лишь тот, чей жизненный кругозор ограничен областью пупка и того, что находится ниже». «Поездки, подобные этой, больше не повторялись, – продолжает героиня. – Даже поездки, необходимые для студентов некоторых отделений, таких как отделения археологии и геологии, стали крайне редкими и, если студенты куда-то и выезжали, то куда-нибудь недалеко, на пару часов».

Критика негативных сторон мусульманской семейно-брачной традиции стала главной темой второго романа Надии аль-Каукабани – «Покорные жены» (‘Акылят, 2009), в предисловии к которому писательница говорит: «Я стремлюсь прийти к тому, что могло бы изменить многие вещи, лишаящие как женщин, так и мужчин права свободы выбора – в условиях нашего общественного сознания, мнящего себя божеством, а всех остальных – своими жалкими рабами».

Вот, например, мнение автора о роли некоторых мусульманских священнослужителей в сохранении диких общественных нравов:

«...Поэтому он позволил себе делать со мной то, что делал с того момента, как я перестала быть ребенком, то есть, когда у меня впервые начались менструации, которые в нашей стране означают, что я стала женщиной, пригодной для интимных отношений, – в полном соответствии с мнением имама одной из мечетей, который изложил свои взгляды в газете, возражая против решения парламента запретить вступать в брак лицам, не достигшим семнадцатилетнего возраста».

А вот как зачастую решается в Йемене вопрос бракосочетания:

«Ей велели оставить школу и за месяц подготовиться к свадьбе. Что она и сделала. Двоюродный брат готов. Вернулся с дипломом инженера из Америки. Заплатил за нее большой махр, подготовил для нее роскошный дом. Ведь он, в конце концов, и прежде всего, ее двоюродный брат, который будет ценить ее и даст ей все необходимое, чего не стоит ожидать от чужого человека. Что же ей еще надо? Естественно, ничего! По их мнению, конечно же, ничего. Ведь ее посещение школы было просто развлечением, необходимым лишь для того, чтобы она не чувствовала себя белой вороной среди других девушек – соседок, подружек и знакомых».

Вот, наконец, что говорится о поведении типичного йеменца в супружеской постели:

«Мужчину, подруги мои, вообще не волнует, получила женщина от него удовольствие, или нет. Его не волнуют ее потребности, которые в действительности не отличаются от его потребностей, поскольку она состоит из такой же плоти, крови и желаний, как и он сам. Из священной триады, с которой мужчина считается лишь в той степени, какая его устраивает. И женщине, имеющей подобного мужчину, который, едва излив в нее свою жижу, замирает без дыхания на кровати, приходится бежать в ванную и, заперев за собой дверь, самостоятельно завершать то дело, которое должен был сделать он. При этом она должна подавлять в себе стоны удовольствия, чтобы он не услышал, как она удовлетворяет собственное желание, пытаюсь одновременно соответствовать его представлению о том, что она холодна и даже в мыслях не держит измены, поскольку ее телу секс безразличен и не нужен».

В отличие от многих описанных в дневнике Джуд типичных для Йемена персонажей и ситуаций, лишь желанием автора романа эпатировать читателя можно объяснить появление в этом дневнике персонажей, страдающих психическими расстройствами, случающимися у представителей любого общества, а не только йеменского. Это, например, муж, не выполнявший свой супружеский долг, поскольку был гомосексуалистом (в истории Н. Дж.). Это родственник-педофил, имам мечети педофил и муж сексуальный садист (в истории Н.Х.). Это муж, работавший за рубежом мальчиком по вызову и заразивший потом молодую жену СПИДом, отчего она покончила собой (история Н.С.). Это, наконец, отец, насилующий свою дочь на протяжении многих лет (история Н.Б.). Присутствие в романе этих извращений, нетипичных для обыденной жизни, способно породить у читателя примерно такое же отношение к роману, какое нормальный человек испытывает к «желтой прессе».

По-видимому, стремлением к «эпатажу» продиктован творческий замысел Али аль-Мукри (род. в 1966 г.), известного в Йемене поэта, в его первом романе «Черный вкус, черный запах» (Та'м асвад, ра'иха сауда', 2008). Главную сюжетную линию романа составила «запретная» любовь йеменского подростка из социальной страты *кабаиль* к девушке из страты *мазайина*, более низкой по своему статусу. Любовь эта разворачивается на фоне жизни *ахдам*,

представителей самой низкой в Йемене социальной страты, фактически йеменских «неприкасаемых». Хотя автор позиционировал свое сочинение как некое откровение о жизни несчастных *ахдам*, незаслуженно презираемых в обществе и совершенно игнорируемых правительством, стремление к эпатажу заставило его пренебречь правдоподобием описываемого. Бесконечное «смакование» отвратительных физиологических актов, сексуальных извращений и оргий, происходящих среди нечистот, – все это воспринимается как картина жизни полуживотных, а не людей, оправдывая, таким образом, осуждаемое самим же автором негативное отношение большинства йеменцев к представителям этой касты. Несмотря на это явное противоречие между авторским замыслом и содержанием романа, «Черный вкус, черный запах» вошел в число номинантов на присуждение премии за лучший арабский роман (учреждена в 2007 г.) – то ли из-за темы запретной любви, то ли из-за «откровений» относительно образа жизни «неприкасаемых».

Несомненно, под впечатлением этого успеха, год спустя аль-Мукри опубликовал роман «Красавчик-иудей» (аль-Йахуди аль-хали, 2009), в котором продолжил тему «запретной» любви – на этот раз между юным йеменским иудеем и юной мусульманкой. Любовные переживания героя изображены здесь крайне схематично; гораздо откровеннее выглядит, например, описание им своего первого сексуального опыта с иудейкой по имени Саба, о которой он говорит (в рукописи XVII века!): «Достаточно мне было представить ее округлые груди и сочную попку, как между бедер у меня происходило излияние».

Стремление к намеренному разрушению мусульманских культурно-религиозных табу можно наблюдать и в первом романе известного йеменского новеллиста Мухаммеда аль-Гарби Амрана (род. в 1958 г.) «Красный манускрипт» (Мусхаф ахмар, 2010), задуманном как реалистическая национальная эпопея, проливающая свет на некоторые темные стороны послереволюционной истории Йемена. События в романе охватывают период с 1977 по 2004 год, и впервые в йеменской прозе в романе довольно подробно – хотя с некоторым превалированием документальности над художественностью – изложена история вооруженной борьбы оппозиционного Национально-демократического фронта, поддерживаемого Южным Йеменом, против консервативного правительства Северного Йемена. Тот факт, что этот эпизод новейшей истории Йемена ранее практически не был отражен в национальной литературе, обусловлен чрезвычайной «болезненностью» этой темы для всех йеменцев – особенно после объединения двух частей страны, когда непримиримые враги оказались гражданами одного государства. Писатель показал всю противоречивость этого конфликта, зверства обеих сторон, предательство руководством Южного Йемена своих североеменских соратников. Одно этого хватило бы для приобретения романом известности, однако автор, очевидно, решил, что без сексуальной темы роман не сможет выйти на уровень, требуемый для широкого признания. Так

появилась пара глав, в которых юный главный герой, будущий боец оппозиции, бродит по североиеменским селениям в компании профессионального чтеца Корана, который по ночам донимает подростка проявлениями нежности к его половому члену. Накануне ухода парня в отряд оппозиции он узнает причину такого поведения своего спутника: половой член чтеца Корана был кем-то отрублен. То есть, человек, потеряв собственный орган, хочет насладиться чужим. Читатель, естественно, ожидает узнать тайну этого увечья, однако речь об этом в романе больше не заходит, хотя сам чтец Корана появляется еще раз в финале. Фактически, этот персонаж в романе понадобился автору лишь для изображения «эротических», если их можно так назвать, сцен.

Значительные по объему фрагменты появились в романе и из-за желания автора показать сцены лесбийских отношений, в том числе лесбийских оргий. Героиня-повествователь, неофициальная жена героя-оппозиционера, разыскивая своего без вести пропавшего дядю, обращается за помощью к жене некоего влиятельного шейха, и та обещает помочь. После непродолжительного общения жена шейха приглашает героиню в одну из санаанских бань, где выясняется, что эта пожилая дама является лидером целой компании лесбиянок, устраивающих оргии в банях. В ходе оргии, которую автор описывает с возбуждающим натурализмом, наша героиня, почти сорокалетнего возраста, с удивлением обнаруживает в себе сильнейшую лесбийскую склонность и становится любовницей служанки жены шейха. Их любовные отношения продолжают развиваться, в то время как о помощи в поисках пропавшего дяди речь уже не идет. Есть в романе и другие вызывающие сцены, связанные с человеческим телом, например, проверка на девственность народным способом, которую устраивают юной героине старшие односельчанки.

Подобный «эпатаж» обошелся писателю дорого: сразу после публикации «Красного манускрипта» Мухаммед аль-Гарби Амран был снят с должности вице-мэра йеменской столицы, которую он до этого долго занимал, без какого-либо объяснения причин.

Еще в большей степени разрушение мусульманских культурно-религиозных табу проявилось в сочинениях тех йеменских авторов, в творчестве которых наблюдаются такие черты постмодернистской эстетики как тотальная ирония и пародийность, условность персонажей-марионеток, гротеск и черный юмор. Дальше всех в этом отношении пошел Ваджди Мухаммед аль-Ахдаль (род. в 1973 г.). Постмодернистские пристрастия писателя проявились уже в первом его сборнике «Цветок путника» (Захрат аль-'абир, 1998), имеющем подзаголовок «Повествовательный коктейль» (Куктайль хика'и). Составляющие сборник тексты различного объема, подавляющее большинство из которых озаглавлены как «письмо такого-то», не подходят под определение ни одного из известных жанров и по своему стилю представляют смесь фантастики, порой напоминающей сказку, сатирического повествования и

научно-популярной публицистики. Уже в текстах этого, первого сборника звучит резкая критика в адрес культурной ситуации в сегодняшнем арабском мире, однако настоящим разрушением мусульманских культурно-религиозных табу стал его роман «Горные челны» (Кавариб джабалийя, 2002). Роман получил негативную оценку одного из видных йеменских литературных критиков, который заявил, что сочинение аль-Ахдаля попирает все моральные и религиозные устои общества. Критический отзыв вызвал реакцию правительства: спустя неделю после выхода романа министр культуры издал приказ о конфискации всего тиража, закрытии опубликовавшего роман издательства и возбуждении судебного преследования против автора. Заместитель министра, сам литератор, отказался подписать приказ и был вынужден уйти в отставку. Группа членов Союза йеменских писателей сочла подобный приказ ущемлением свободы творчества и встала на защиту автора и издателя, отправив письма президенту и премьер-министру с требованием снять министра культуры с занимаемой должности. Премьер-министр, однако, поддержал принятое министром культуры решение, заявив, что книга «дурно пахнет». Начались ожесточенные дискуссии в литературных, юридических, религиозных и политических кругах. Летом 2002 г. имам главной мечети Саны в своих выступлениях по радио и телевидению объявил аль-Ахдаля безбожником, после чего остальные представители духовенства обрушили на писателя град проклятий. Преследования со стороны властей и угроза смерти от рук исламских фундаменталистов заставили аль-Ахдаля летом того же года бежать в Сирию.

Отзвуки вызванного романом скандала разошлись по всему арабскому миру, что для самого писателя и его произведения имело неожиданные последствия. Роман сразу же был переиздан бейрутским издательством «Рийад ар-Раййис» и на каирской книжной ярмарке в начале 2003 г. оказался самой востребованной из всех представленных издательством книг. Участие в судьбе аль-Ахдаля принял Гюнтер Грасс, один из зачинателей постмодернистского направления в немецкой литературе и большой любитель Йемена. Он обратился напрямую к президенту Йемена с прошением о помиловании опального писателя, и аль-Ахдаля был официально прощен.

Роман «Горные челны» представляет собой произведение объемом в сто с небольшим страниц, обладающее своеобразной сложной композицией. Текст делится на семь глав, называемых «веслами» (миджаф), что, очевидно, и определило название романа, которое трудно объяснить чем-либо другим. Первая глава занимает почти половину романа, остальные – с десяток страниц каждая. Первая глава состоит из тринадцати самостоятельных сюжетов и сцен, связанных между собой лишь местом действия – рынком у Баб-эль-Йемен, старинных городских ворот Саны, служащих в Йемене символом традиционализма.

Реалистический образ создаваемого в романе пространства обеспечивается изображением многочисленных социокультурных реалий Йемена. Однако весь этот реалистический фон будто перечеркивается многочисленными карикатурными деталями и откровенно пародийным действием. На рынке старого города все продавцы четок и Корана – гомосексуалисты, а все продавцы европейской одежды – гетеросексуалы. Университетский профессор-экспозиционист взбирается на городскую стену и, обнажив свой половой член, читает толпе лекцию о тесной исторической связи между потреблением пищи и сексом. Бедуин из Мариба, работающий в Сане мясником, насилует девственницу, просто потому, что очень любит свежую кровь. Полицейский, «допрашивающий» четырех задержанных гомосексуалистов, заставляет их без передышки заниматься друг с другом сексом, а затем дает им автоматы и отправляет на срочное оперативное задание, поскольку все его подчиненные в текущий момент заняты другими делами. Подобными карикатурами роман просто напичкан.

Пародия на исторические и фольклорные сюжеты присутствует во многих эпизодах романа. Например, парящий в небе орел принимает лысину торговца оружием за змеиное яйцо, подхватывает с земли шестикилограммовый камень и сбрасывает его на голову торговца оружием, что вызывает у читателя ассоциации с коранической сурой «Слон», в которой птицы абабилы побиты камнями армией эфиопского завоевателя Абрахи.

Основной же чертой романа, сделавшей его поистине скандальным, стало полное разрушение автором всех табу, касающихся сексуально-физиологической сферы. Текст романа пестрит «грязной» лексикой, непристойностями, всем тем, что обычно отсутствует в литературном тексте. Постоянно повторяющиеся картины демонстрации половых органов, изнасилования, физиологических актов, естественных и противоестественных, несомненно, является намеренным провокационным приемом автора. Подобные провокации автор использует и в тех эпизодах, которые можно назвать фантастическими. Например, женщины в бане замечают, что из половых органов Саиды, главной героини, вытекают белые капли наподобие спермы, но с запахом благовоний. Затем эти капли в больнице изучает румынский доктор, «сосланный в Йемен по решению министра здравоохранения его страны». Богатый торговец оружием в подвалах своего дворца держит опасное существо – демонического зловонного джинна Хаманджана, найденного в джунглях Африки, имеющего форму фаллоса и размер человека среднего роста. В безлунные ночи он выпускает джинна на улицы старой Саны, где тот охотится на вдов. Джинн проникает в половые органы своей жертвы и пожирает ее изнутри до тех пор, пока не выходит из ее головы. Подобные вещи автор описывает без какого-либо эротического «смакования», нейтральным языком, лишь подчеркивающим жестокость. Как правило, все это окрашено черным юмором, местами доходящим до уровня

цинизма. Так, например, глава, в которой эфиопский беженец жестоко насилует Саиду, называется «Зажигательная эфиопская песня».

Личные проблемы, вызванные скандалом вокруг «Горных челнов», не испугали аль-Ахдаля, и свой жесткий, ироничный стиль он сохранил и в следующем своем романе «Осел среди песен» (Химар байна-ль-агани, 2004). Текст романа также насыщен сценами насилия, особенно сексуального, являющегося, по мнению автора, характерной чертой всех сфер жизни йеменского общества: семейной, религиозной, политической. Имам мечети, пользуясь своим положением, соблазняет и насилует мальчика. Шейх, лечащий с помощью Корана, использует сеансы лечения для удовлетворения своей похоти. Страдающий импотенцией партийный лидер получает удовольствие, ночи напролет избивая жену и своего слугу ремнем. Наряд полицейских с вожделием набрасывается на героиню, чтобы извлечь видеокассету с провокационной записью, которую она спрятала у себя между ног. Молодой человек расстреливает приглашенных им в гости двоюродных братьев за то, что одному из них обещана в жены нравящаяся этому молодому человеку девушка. Инспектор уголовного розыска, расследующий совершенные одно за другим зверские убийства трех молодых женщин, в финале оказывается этим самым разыскиваемым убийцей.

Третий роман аль-Ахдаля «Философ аль-Карантины» (Файласуф аль-Карантина, 2007), продолжающий и расширяющий тематическую линию двух предыдущих, объединил в себе черты сатирической притчи, пародии на антиутопию и политического романа. Предисловием к нему служит следующее авторское пояснение: «Действие этого романа происходит на кладбище Зейма. Я не стану рассказывать о похороненных здесь людях, я ограничусь лишь одной интересной историей о совершенно не известном вам мире. Я расскажу о могильных червях, этих маленьких существах, которых от ваших ботинок отделяют лишь несколько метров земли». Далее следует первая глава романа, начинающаяся так: «Основатель рамлийского мазхаба страстный традиционалист Ибн Зейма перед смертью завещал повесить в небе искусственное солнце. И по просшествии многих поколений Большой Кахтани, нынешний правитель кладбища Зейма, выполнил его завет. Этот честлюбивый правитель выделил средства на создание огромного солнца, в изготовлении которого участвовали опытные инженеры кладбища Гамбургер, и пришли, наконец, свет и тепло к червям кладбища Зейма, лишенным на протяжении тысяч усопших малейшего проблеска света. Однако это солнце, изготовленное из отходов нефтеперерабатывающих предприятий, сыграло с нами злую шутку. Вместо того чтобы дать зрению ясность, оно привело к фальсификации реальности».

Начало романа, таким образом, сразу обнаруживает черты постмодернистской игры. В предисловии автор романа утверждает, что речь в его сочинении идет не о мире людей, а о мире могильных червей. В начале же первой главы – единственный раз на протяжении всего

повествования, ведущегося от третьего лица – дана реплика от первого лица: «... сыграло с нами злую шутку». Читатель, таким образом, вынужден предположить, что повествователь – это сам автор, а значит и описываемый им мир червей – это арабо-мусульманское общество, к которому он принадлежит. А подобное предположение фактически отрицает правдивость предисловия, в чем и заключается игра.

Намек на арабо-мусульманское общество содержится также в личностях двух упомянутых здесь персонажей: основателе мазхаба, то есть мусульманского религиозно-правового учения, Ибн Зейме и правителе Большом Кахтани, родовое имя которого восходит к Кахтану, прародителю южных арабов. Фигура Большого Кахтани, чье искусственное солнце «фальсифицировало реальность», заставляет вспомнить об оруэлловском Старшем Брате, а мир могильных червей – об оруэлловской же «Звероферме». Последнее сопоставление дает читателю и дополнительный иронический смысл: если Оруэлл изображал советское общество в виде зверофермы, то современный Ближний Восток в изображении аль-Ахдаля – не более чем кладбище, населенное могильными червями. Ибн Зейма, оставивший заветы, и Большой Кахтани, воплотивший эти заветы в жизнь, отсылают читателя сразу к нескольким аналогичным парам, известным в новой истории: Марксу и Ленину, Ленину и Сталину, Ибн Абд аль-Ваххабу и Ибн Сауду. Пафос же фразы «...пришли, наконец, свет и тепло к червям кладбища Зейма, лишенным на протяжении тысяч усопших малейшего проблеска света» очень точно пародирует пафос речей апологетов любого нового политического режима, сменившего режим старый.

Описываемый в романе мир имеет абсолютно все черты мира людей, со всеми его общественными и политическими институтами. Лишь две незначительные детали время от времени напоминают читателю о том, что речь идет не о людях, а о червях: герои романа едят трупное мясо и пьют нефть. Нефть, несомненно, является здесь еще одним указанием на ближневосточное общество. Впрочем, и эта «трупно-нефтяная» диета оказывается для героев романа не естественной, а навязанной им идеологией рамлийского мазхаба, что снова наводит на мысль об их человеческой сущности.

Суть сюжета романа сводится к тому, что Муш'иль аль-Хиджази, отправленный в свое время религиозными кругами кладбища Зейма преподавать рамлийский мазхаб эмигрантам, проживающим на кладбище Лондон, после окончания своей миссии получает за рубежом философское образование и возвращается на родину, одержимый идеей «очеловечивания» червей. Разработанный философом метод «очеловечивания» заключается в том, что желающий «очеловечиться» червь должен стремиться стать лучшим в мире в сфере своей профессиональной деятельности. Писатель, таким образом, будто намекает на то, что

представители арабо-мусульманского общества до сих пор еще не являются настоящими людьми, в людей им лишь предстоит превратиться.

Перипетии дальнейшей судьбы философа тесно связаны с происходящими на кладбище Зейма общественно-политическими событиями, пародирующими события, в действительности происходившие в последние десятилетия в арабо-мусульманском мире. Здесь писатель весьма конкретен: он пародирует и продолжающийся на Ближнем Востоке конфликт идей глобализма и традиционализма, и становление исламского фундаментализма, происходившее не без поддержки США, и последующее обращение фундаменталистов против Запада, и теракт 11 сентября, и вторжение американцев в Ирак и Афганистан. Прототипы карикатурных персонажей, часто наделенных «говорящими» именами, легко узнаваемы в жизни. Здесь и американский дипломат мистер Уилсон, имеющий огромное влияние на правительство Зеймы, и самодовольный Большой Кахтани, увлекающийся разведением лошадей и потому служащий пародией на любого из правителей арабских стран Персидского залива, и другие представители местной аристократии, коллекционирующие породистых коз, и коварный Мут'ыб аль-Мады, духовный лидер фундаменталистов, страдающий от приобретенных в детстве комплексов. Прототипами некоторых персонажей являются конкретные люди; так, у читателя нет сомнений в том, что романый Бендер Бен Тухеймар – это Усама бен Ладен, а гонимый романист Хаусали – это сам Ваджди аль-Ахдаль.

В то же время, некоторые герои романа могут быть восприняты как пародии на различные исторические личности. В частности это касается самого Муш'уля аль-Хиджази, в котором одновременно можно увидеть и кого-то из современных общественных деятелей, и кого-то из лидеров арабского национально-освободительного движения второй половины XX века, и кого-то из известных мусульманских реформаторов и просветителей, таких как Мухаммед Абдо или Джамаль ад-Дин аль-Афгани, и даже самого пророка Мухаммеда, уроженца Хиджаза. Подобно многим из них, философ Муш'иль аль-Хиджази переживает в своей жизни периоды взлета, падения и нового взлета. Мечта философа сбывается, когда он, убедившись в ошибочности своего метода «очеловечивания» (в частности, потому, что следовавший его методу и ставший лучшим в мире террористом Бендер Бен Тухеймар успешно совершает свои бесчеловечные деяния), открывает другой, правильный метод: для превращения в человека червь должен есть не трупное мясо, а книги, и пить не нефть, а воду. Здесь, возможно, содержится намек на то, что настоящим человеком может стать лишь тот, кого принято называть «книжным червем», каковым себя считает и сам аль-Ахдаль, о чем он говорил в одном из своих интервью.

Табуированная исламом тема сексуальных отношений стала излюбленной и в творчестве уже упомянутого выше Мухаммеда аль-Гарби Амрана, автора сборников рассказов «Голая тень» (аз-Зылль аль-'ари, 1998), «Женщины, прости Господи!» (Харим а'аззакум Аллах, 2001),

«Обрезание Билкис» (Хитан Билкис, 2002) и «Черный минарет» (Манара сауда', 2004). Показательной в этом отношении служит следующая сцена из рассказа «Хузейма», герой которого, очутившись под землей, вступает в связь с покойницей.

«Ее тело было молочного цвета, – рассказывает герой. – На ее округлом лице сияла розовая улыбка. Груды ее были красноватого цвета. Она прильнула ко мне, я провел рукой по ее плечу, спине, талии, ногам. Все было мягким и липким. Она вцепилась в мою рубашку и стала ее рвать, затем порвала брюки, затем нижнее белье. Прижавшись ко мне, она сжала мою голову, стала облизывать лицо, шею, вытянула губы и коснулась моей нижней губы, языка. Я слизывал ее слюну, ее язык глубоко проник в мой рот. Она сосала мой язык, в то время как ее язык вошел в мою глотку и – через дыхательные пути – в мои вены. Мы катались по земле, и от домов эхом отражались наши непрерывные стоны. Она достигла пика сладострастия, когда я еще не успел насытиться. Оторвав от меня свое мягкое тело, она высосала свой длинный язык обратно и молча поднялась, в то время как я умолял ее о завершении». Затем «кожа ее стала темнеть, из пупка стали выползать слизи и расползаться по животу, бедрам, груди, шее, конечностям... Я поднялся голым. На улицах никого. Площадь ат-Тахрир. Я двинулся по пустынным улицам, пытаюсь найти кого-нибудь, кто укажет мне дорогу обратно. Я искал, искал, и до сих пор пытаюсь отыскать Сану».

Гротескизация сексуально-физиологической сферы имеет место в рассказах «Импотент», «Ночь предопределения» (Лейлат аль-кадр), «Безбрачие» ('Унуса), «Хадим». Так, например, у героя рассказа «Безбрачие» из-за постоянной сексуальной неудовлетворенности начал расти половой член. Ему стало неудобно появляться на улицах, он обратился к врачам, но те сочли его здоровым и посоветовали благодарить Господа за подобную «милость». В конце концов, его член «вырос настолько, что вывалился в окно, заполнил собой переулок, улицу и стал одной из достопримечательностей старой Саны». Типичный для йеменской прозы трагический сюжет, связанный с сексуальной неудачей мужчины в первую брачную ночь, Амран превращает в фарс. В рассказе «Мужская сила» (Фухуля) подобный неудачник подвергается всем возможным народным способам лечения от импотенции и, наконец, попадает в руки европейки-сексолога, которая путем стандартных действий, описанных автором с исключительной иронией, выясняет, что причиной импотенции является чрезмерное и постоянное употребление ката. Герой рассказа «Импотент» (Абу тартур), чье заболевание вызвано серьезным функциональным нарушением, требующим дорогостоящего оперативного вмешательства, пребывает в многолетней депрессии и, в конце концов, решает убить жену и себя. Повествование о тяжелом психологическом состоянии героя автор «разбавляет» пародийным рассказом о том, какими изощренными способами жена пыталась излечить его от импотенции.

Особенно характерно для творчества Амрана пародийное изображение чувств лишенного половой жизни мужчины – тех чувств, которые для йеменских модернистов 70-80-х годов служили объектом мучительной рефлексии и мрачных аллегорий. В рассказах Амрана эти чувства вызывают лишь смех. «Я попытался представить себе райских гурий, – говорит герой рассказа «От Адена на север». – Мне хотелось, чтобы гурия состояла из целой грозди грудей, губ и сочной попы. Да, большой сочной попы!» «Неужели я встречу с женщиной? – размышляет герой рассказа «Сводник» (Каввад), идущий на встречу с проституткой. – С настоящей женщиной! Я услышу, как она со мной разговаривает! И сам буду с ней разговаривать! И обнимать ее! А сначала я раздену ее догола. И зацелую все ее тело, с ног до головы. Это же настоящее женское тело! И в губы тоже! И уткнусь лицом в ее груди. И в волосы. Неужели я увижу ее перед собой, а не издали? И не закутанной во все черное?»

От преследований за подобные сюжеты со стороны исламских фундаменталистов писателя долгое время спасала близость к окружению президента страны, однако после выхода его романа «Красный манускрипт» он был отстранен от должности вице-мэра йеменской столицы без объяснения причин.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЛЕКЦИИ 14

Преодоление культурно-религиозных табу в художественной литературе Саудовской Аравии

Суворов М.Н., Смирнова Е.Д., Улангина А.О.

В середине 1990-х годов в Саудовской Аравии вышла романная трилогия Турки аль-Хамада (р. 1952) «Призраки в безлюдных переулках» (Атйаф аль-азикка аль-махджура), в которой преодоление табу на темы религии и интимных отношений осуществлялось в рамках зрелого реалистического повествования. Романы «Аль-Адама» (1995), «Аш-Шумейси» (1996) и «Тюрьмы» (аль-Кярадиб, 1998), составляющие трилогию, принесли автору литературную славу и несколько судебных обвинений – из-за содержания трилогии. Романы выдержали уже несколько переизданий, но до сих пор запрещены в Саудовской Аравии, Бахрейне и Кувейте. В 2003 г. роман «Аль-Адама» был издан в английском переводе, за ним последовал перевод «Аш-Шумейси». О своем творческом замысле писатель сказал в одном из радио-интервью: «Там, где я живу, существуют три табу: религия, политика и секс. Об этом запрещено говорить. Я написал трилогию, чтобы это изменить».

Трилогия стала настоящей литературной сенсацией для саудовского общества, чьи религиозно-политические лидеры незадолго до этого хвастались своим парадоксальным достижением: «60 лет прогресса без изменений!» (именно этот девиз был выбран для рекламной кампании саудовского правительства в одном из номеров журнала «Таймс»). Хотя «Призраки в безлюдных переулках» подверглись резкой критике со стороны религиозных деятелей и были официально запрещены в Саудовской Аравии, книга сразу стала бестселлером в других арабских странах.

Легко понять, почему трилогия была воспринята столь негативно официальными властями. Романы представляют собой взгляд изнутри на Саудовскую Аравию начала 1970-х годов, накануне нефтяного бума, создавшего невероятно богатое и одновременно закрытое общество. Главный герой трилогии, юноша по имени Хишам аль-Абир – любитель запрещенной литературы и последователь Гамала Абд аль-Насера и его идеи панарабизма. В конце 1960-х годов Хишам вступает в партию БААС, и рассказывая о партийной деятельности героя, автор трилогии нарушил существующий в Саудовской Аравии негласный запрет на обсуждение в художественных произведениях политических тем. Также в трилогии описываются любовные связи Хишама – сначала с разведенной девушкой по имени Рукия, а затем и с замужней соседкой Савир. В одном из своих интервью, отвергая мнение о «безнравственности»

содержания трилогии по причине наличия в ней откровенных сексуальных сцен, изображения таких явлений как проституция и употребление спиртных напитков, Турки аль-Хамад сказал, что он рассказал о жизни саудовского общества лишь то, что и так всем известно. Наибольшую же критику со стороны религиозных кругов вызвали рассуждения автора о религии, особенно в последней части трилогии. В этой части находящийся в тюремном заключении Хишам задается вопросом, не являются ли Бог и Дьявол двумя воплощениями одной сущности. После издания «Тюрем» религиозная полиция засыпала автора угрозами по электронной почте и через родственников. Известная террористическая организация аль-Каида сделала заявление, в котором объявила Турки аль-Хамада вероотступником и призывала власти Саудовской Аравии к аресту писателя.

Примечательным явлением в саудовской литературе начала XXI века стало появление целой плеяды писательниц, смело нарушающих в своих произведениях табу на темы религии и интимных отношений. По-видимому, первым таким произведением стал роман молодой писательницы Раджа ас-Сане' (р. 1981) «Девушки Эр-Рияда» (Банат ар-Рийад, 2005). Изданный в Бейруте на арабском языке, через два года роман вышел в английском переводе, а еще через год был переиздан на арабском.

Необычность структуры романа «Девушки Эр-Рияда» заключается в том, что он оформлен в виде электронных писем, которые героиня-повествователь в течение года каждую пятницу рассылает участникам группы подписчиков (состоящей в большинстве своём из жителей Саудовской Аравии) на портале Yahoo groups. В каждом последующем «письме» (подобно тому, как это происходит в сказках «Тысячи и одной ночи») она продолжает рассказывать о нескольких годах из жизни четырёх молодых подруг: Гамры, Садим, Ламис и Маша'иль (Мишель). Она сообщает, что у ее героинь есть реальные прототипы, имена которых ей пришлось изменить для того, чтобы рассказ о них в рассылке не смог навредить им в реальной жизни. Этот приём, интригуя читателя, заставляет его почувствовать себя не сторонним наблюдателем выдуманных историй, а участником реальных событий, и погрузиться в таинственный и загадочный мир молодых жительниц Эр-Рияда. В мир, который по культурно-религиозным причинам веками был скрыт от посторонних глаз.

Сразу после его первого издания роман «Девушки Эр-Рияда» был запрещён к продаже и распространению на территории Саудовской Аравии. Правительство страны объяснило этот запрет тем, что Раджа ас-Сане' в своем сочинении «оклеветала и опорочила» образ саудовцев в глазах мирового сообщества, что поведение героинь романа никоим образом не вписывается в рамки понятий о том, как должна себя вести достойная саудийка, и что в действительности такие вещи в Саудовской Аравии не происходят. Особое возмущение саудовских консервативных кругов вызвало то, что в одной из глав две героини романа распивают виски,

украденное из родительского комода, другая героиня ходит на романтические свидания с мужчиной, который уже помолвлен со своей двоюродной сестрой, а третья однажды переделалась мальчиком, чтобы беспрепятственно сесть за руль автомобиля и съездить с подругами в торговый центр. Кроме того, одна из второстепенных героинь романа была разведена по причине нетрадиционной сексуальной ориентации её сына. Многие люди писали критические отзывы о книге, даже её не прочитав. Также были случаи, когда Раджа ас-Сане⁴ звонили и писали письма с прямыми угрозами её убить, если она не изымет книгу из печати и не прекратит распространение своего «развращающего молодёжь» романа. Безусловно, это было одной из причин, по которым писательница покинула Эр-Рияд и переехала жить в Чикаго (США).

Несмотря на запреты, отдельные экземпляры книги всё-таки попадали в Саудовское Королевство путём контрабанды из ОАЭ и Ливана. Их подпольно передавали из рук в руки и перекупали друг у друга. При этом цена за экземпляр иногда достигала 300 фунтов стерлингов. После четырех месяцев «блокады» запрет на распространение книги был снят, хотя произошло это не без проблем. В частности, двое саудитов подписали петицию, адресованную Министерству информации, в которой требовали не снимать запрета на книгу, т.к. она представляет собой «оскорбление норм саудовского общества». «Она призывает к пороку, – писали они, – а также изображает женщин Королевства, как женщин, которые не покрывают лиц и нескромно ведут себя на улице». Адвокат этих двоих утверждал, что снятие запрета на распространение книги – «явное нарушение законов Королевства о печати, в которых говорится, что книги должны "способствовать продвижению убеждений нашей религии, ее предписаний и добродетели, а также распространять культуру и знание"». Автора романа эти критики предлагали наказать в соответствии с шариатом. Однако этот иск был отклонён Министерством информации, и в 2006 книга была официально представлена на саудовских литературных выставках, а затем появилась на прилавках саудовских книжных магазинов, откуда снова очень быстро исчезла из-за огромного спроса на неё.

Роман «Девушки Эр-Рияда» превратился в своеобразный символ молодого поколения саудовских женщин, стремящихся к свободе и личной независимости в жизни. «Был период, – говорит автор романа, – когда я получала по 100 электронных писем в день. От женщин, которые были в разводе, и женщин, которых выдали замуж традиционным способом за нелюбимых мужчин. Также мне писали девушки, боровшиеся в своих семьях за свои права. Незнакомые женщины подходили ко мне на улице и в общественных учреждениях и обнимали меня или хотели сфотографироваться со мной».

Многие западные критики сравнивают «Девушек Эр-Рияда» с популярным американским сериалом «Секс в большом городе» из-за сходства состава главных героинь (4 незамужние

женщины) и основных сфер их интересов (мода, отношения с мужчинами, поиск «большой любви»). Однако, если в сериале, изображающем жизнь светского западного общества, речь идет, по большей части о свободном взгляде на любовные отношения, то в романе, изображающем жизнь особенно консервативной части мусульманского мира, добавляется и вопрос преодоления существующих религиозных ограничений.

Еще более резким ударом по исламским культурно-религиозным ценностям стал роман «Возвращение» (аль-Ауба, 2006) саудийки Варды Абд аль-Малик, предстающей в СМИ и под другими именами: Варда ас-Сули и М. аз-Зафири. О личности писательницы известно мало: она полностью избегает публичности по причине скандальной славы ее романа.

Черновой вариант романа «Возвращение» впервые появился в виде последовательных публикаций в сети интернет, на сайте либерального саудовского форума «Дар ан-Надва» в 2004 году. Автором публикаций значилась Варда аль-Сули. Примечательно, что уже тогда роман вызвал немалый интерес у читателей: за несколько недель его прочитали более 30 тысяч посетителей, благодаря чему он получил первый приз форума. Вскоре, однако, под давлением религиозных кругов форум был заблокирован властями.

Роман «Возвращение» повествует о нескольких годах из жизни саудовской девушки по имени Сара. Будучи ученицей средней школы, она попадает под психологическое влияние учительницы Фальвы, усердной сотрудницы одного из религиозных комитетов, следящих за выполнением религиозных предписаний. Конфликт между навязываемым ей Фальвой представлением о грехе и ее собственными плотскими желаниями вызывает в душе девушки нарастающий психологический дискомфорт. По настоянию Фальвы сразу по окончании школы Сара выходит замуж за ее брата Абдаллаха, который старше Сары на 15 лет и страдает от психического заболевания. Оказавшись фактически в домашнем заточении, в компании сумасшедшего мужа и его сестры, религиозной фанатички, Сара ощущает, что сама постепенно сходит с ума. В конце концов, она покидает дом мужа и возвращается к своим родственникам, однако ее бабушка, удрученная психологическим состоянием внучки, отводит Сару к шейху, лечащему молитвами, который под видом лечения совершает над ней сексуальное насилие. После этого шейх вынуждает родственников Сары отдать ее ему в жены (хотя он уже женат). Жизнь во втором браке оказывается для Сары ещё более несчастной, чем в первом, поскольку помимо сексуального и религиозного насилия ей приходится терпеть ещё и рукоприкладство мужа. Состояние депрессии и физическое истощение вызывают у Сары острую экзему, отчего она попадает в больницу. В больнице ей предоставляется психологическая помощь, постепенно она идет на поправку и после окончательного выздоровления разводится с мужем. Брат Сары берет ее с собой в поездку в Шарм эль-Шейх, затем в Лондон. В ходе этих поездок она знакомится с другом брата, Машари, тоже саудийцем, и учится общаться с мужчинами более

свободно. Машари влюбляется в Сару, относится к её бедам с пониманием и старается помочь ей вновь обрести уверенность в себе. Их встречи продолжаются и после их возвращения в Саудовскую Аравию, и они заключают помолвку. Вместе с Машари Сара едет в Швейцарию, где у Машари имеется собственный дом. Однако когда Машари пытается, наконец, склонить Сару к интимной близости (до заключения брака!), она решает разорвать с ним отношения. Она возвращается в Эр-Рияд, чтобы жить в доме своей бабушки, в окружении родственников, и подальше от чужих мужчин.

Наиболее примечательной чертой романа «Возвращение» является изображение того, что в арабской литературе изображать не принято. Писательница смело обнажает неприглядные стороны саудовского семейного быта, высмеивает духовные устои саудовского общества. Как писала в своей статье в саудовской газете «Уккяз» критик романа Азиза аль-Мани, «от начала и до конца роман полон того, о чём не следует говорить, а также того, что должно быть противно человеку с литературным вкусом. При этом автор использует два приёма: наполнение романа отвратительными сексуальными сценами и насмешки над религией без стеснения или страха перед Богом. Она не только не пощадила святость Корана, Пророка и его сподвижников, но и осмелилась дойти до полного неверия и высмеять самого Бога».

Отдельно стоит отметить натурализм изображаемых в романе сцен, связанных с сексуальной сферой. «От сильной боли, – описывает свое состояние Сара, – моя голова едва не раскалывается надвое, меня тошнит, и я чувствую, что мои пустые внутренности вывернутся наизнанку ещё до наступления рассвета. Я тяжело встаю и иду в ванную, с трудом волоча за собой ноги. Боль меж бёдер невыносимая, будто в мои внутренности залезли огромные змеи или дикое животное, разорвали мою плоть и остались там. Я видела, как он осмотрел кровать и простыни, и на полу в ванной я снова увидела несколько капель крови черноватого оттенка. Я подмылась и сдержала стон, когда вода касалась моих свежих ран» [с. 14]. «На этого, – думает Сара о муже, – не подействуют ни плевки, ни рвота, ни смех, ни рыдания. Так позволь мне, о Господи, хоть один раз помочиться на этого мерзавца, хотя бы раз помочиться ему на бороду и в рот. После этого можешь хоть семь раз опустить меня под землю, или превратить в обезьяну, или в саранчу, или в бабочку, если ты друг женщинам» [с. 35]. Подобный натурализм, однако, используется писательницей как художественное средство эмоциональной выразительности, заставляющее читателя содрогаться от отвращения и, таким образом, острее воспринимать затронутые автором проблемы.

Наибольшее возмущение среди саудовских критиков романа вызвало продемонстрированное в нем неуважение автора к религии. Бог в романе является объектом и адресатом саркастических замечаний. «Однако, Бог слабых, – говорит Сара, – почему ты позволил этим сволочам... почему ты дал им силы разрушить мой разум, силы, убедить меня в

греховности той жизни, которую ты считаешь позволительной для своих рабов? Скажи, Бог, скажи, почему? Ты не говоришь, а только внушаешь страх. Дай мне ответ, чтобы я оставила тебя в покое» [с. 8]. «По пути в зал, я поворачивалась направо и налево, рассматривала девушек, стоящих среди зданий и пальмовых садов. Они были красивые, изящные и счастливые. Мне суждено было стать одной из них, если бы я не попала в руки Фальве...и Абдаллаху... и их Богу с его бесконечной милостью» [с. 19]. В некоторых пассажах романа с достаточно ироничными интонациями упоминаются сподвижники Пророка и известные фигуры в истории ислама: «Если бы тебя увидел Халид ибн аль-Валид, то вдобавок к своему греху с женой Малика ибн Нувейра, он согрешил бы и с тобой» [с. 25], или «В моих глазах Машари красивее, умнее и добрее всех сподвижников и последователей Пророка» [с. 47]. Наконец, апогеем авторской «черной» иронии в отношении религии является сцена, в которой главная героиня наблюдает за тем, как её второй муж, шейх, занимается сексом с другой своей женой на молельном коврике, заставляя её при этом вслух читать Коран.

На первой странице романа, сразу после названия, писательница характеризует своё произведение как «дневник саудовской женщины, сбежавшей из эр-риядской тюрьмы послушания» и говорит о том, что под возвращением подразумевает «возвращение души, или возвращение ума, или возвращение женщины к своей женственности, или возвращение человека к человечности, или все вместе». Красной нитью сквозь повествование проходит идея о том, что религиозность убивает в человеке человечность, и что религию часто используют для того, чтобы превратить малообразованного человека (в особенности женщину) в бездумное создание, покорно идущее тем путем, которым его ведут. Главная героиня романа, рассказывающая свою историю от первого лица, часто называет себя послушной мулицей или овцой, выражая иронию по поводу собственной глупости и безволия. На первой же странице романа устами главной героини автор заявляет об основных темах, которые будут подняты в романе, а также о целях, которые она преследует своим произведением: «Я поклялась Богом послушания, и Богом цепей и огня, что буду говорить, писать, бредить, плакать, кричать, разрушать стены молчания и страха, которые держали меня в своих подземельях десять несчастных лет. Я покажу всем их двуличие, свидетелем которого стала, лицемерие, расклевывающее мою душу пополам, ложь, которую мужчины и женщины день за днём вкладывали мне в голову... и слепую похоть, которую мужчины испытывали к каждому сантиметру моего тела» [с. 1].

Как справедливо заметил ливанский критик Ахмед Махмуд аль-Касим, события в романе могут быть вымышленными, но они служат ясным указанием на то, «что на самом деле происходит за закрытыми дверями городских домов», и позволяют «понять страдания многих саудовских девушек и женщин, а также мужчин и молодых людей, мучающихся от подавления

под страхом наказания естественных физических человеческих желаний, которыми их наделил Господь, и которые оказались запрещенными во имя религии».

Еще одна саудовская писательница Самар аль-Мукрин (р. 1965), известная журналистка и правозащитница, в своем романе «Женщины порока» (Ниса' аль-мункар, 2008) подвергла резкой критике те религиозные законы, которые определяют общественную и частную жизнь в Саудовской Аравии. Изданный в Бейруте трехтысячным тиражом, роман оказался самым продаваемым произведением на бейрутской книжной ярмарке 2008 года и сразу же был переиздан тиражом в 10 тыс. экземпляров. Вызвав огромный интерес читателей благодаря скандальной теме, роман сразу же был запрещен к продаже на территории Саудовской Аравии, что лишь повысило его популярность, в том числе и за пределами Королевства.

Главная героиня романа, саудийка по имени Сара, описывает свой семейный статус как «подвешенный» – этот термин используется в Саудовской Аравии по отношению к женщинам, которые живут отдельно от мужей, но официально не разведены. Брак Сары оказался несчастливym; о себе она говорит, что «была не более чем развлечением для мужчины, через постель которого прошли десятки женщин». Сара замужем уже десять лет, восемь из которых она безрезультатно ходит по судам, пытаясь получить развод, но процесс всё время затягивается. Неожиданно у неё завязывается роман с бывшим возлюбленным её подруги Раифом, саудовцем, живущим в Лондоне. Сначала они общаются через интернет и по телефону, затем она соглашается приехать к нему в Лондон. В Лондоне они проводят десять дней в прогулках и общении, наслаждаясь обществом друг друга вдали от строгого контроля саудовской религиозной полиции. «Жар наших сердец, – говорит Сара, – не оставлял нам иного выбора, наши пальцы сплелись, будто заявляя о том, что отныне мы будем жить, что не будем спать холодной лондонской зимой, что будем отчаянно сражаться с религиозной полицией, ожидающей нас в Эр-Рияде, с грубостью общества, которое называет всех влюблённых мужчин развратниками, а влюблённых женщин проститутками, заслуживающими побивания камнями» [с. 16]. Вскоре Сара возвращается в Эр-Рияд, и её отношения с Раифом прерываются, поскольку он воздерживается от общения с ней. Затем она узнаёт, что Раиф вернулся в Саудовскую Аравию, звонит ему и настаивает на встрече, несмотря на его предупреждения, что в их стране её могут арестовать даже за то, что она обедает в его компании. И всё же встреча происходит – в одном из семейных ресторанов саудовской столицы. Когда они занимают свои места в отведённой им маленькой комнатке, Сара снимает покрывало с лица, и одного страстного взгляда Раифа на нее оказывается достаточно для того, чтобы сотрудник ресторана, следящий за посетителями через отверстия в стенах, вызвал сотрудников религиозной полиции. Сару и Раифа арестовывают и отвозят в участок, где их разводят по разным помещениям для проведения дознания. Побоями и угрозами эти «полицейские» пытаются заставить Сару

подписать бумагу, в которой она признаёт себя порочной развратницей и прелюбодейкой. Но Сара отказывается подписывать бумаги: «Под чем мне подписываться? – соображает она. – И с какой стати мне признаваться в преступлениях, которых я не совершала? Список обвинений здесь длинный, среди них и те, о которых я слышала раньше, и те, с которыми не сталкивалась даже в старых арабских фильмах. То, что здесь сейчас происходит, – говорит она, – преступление по отношению к человечеству, нации и религии, во имя которой вы действуете и которую используете для того, чтобы унижать человека и топтать его достоинство» [с. 44]. После этого Сару без суда перевозят в женскую тюрьму, где приговаривают к трём годам лишения свободы и семистам ударам плетью. В тюрьме Сара знакомится с другими женщинами, большинство из которых были также арестованы за «нравственные» преступления. Это, например, Нура, изменившая мужу, который в течение многих лет отказывался дать ей развод. Это Самира, получившая пожизненный срок за то, что убила мужчину, который пытался лишить её чести. Это Хауля, которую сотрудники религиозной полиции увезли прямо из дома, где она жила со своим возлюбленным, обвинили её в проституции и приговорили к четырём годам тюрьмы и семистам ударам плетью. Выйдя, наконец, из тюрьмы, Сара пытается найти Раифа, но узнаёт лишь то, что его продержали в тюрьме месяц и присудили к 50 ударам плетью, после чего он благополучно вернулся к работе и обычной жизни и никогда больше своей любимой не интересовался. Её же, отныне несущую клеймо «женщины порока» и ставшую объектом всеобщего порицания, не принимают ни на какую сколько-нибудь достойную работу. Ей приходится устроиться работать официанткой, разливающей кофе гостям на свадьбах, и на первой же свадьбе она узнаёт в женихе своего бывшего возлюбленного, которого, в отличие от неё самой, заключение в тюрьму в глазах общества не опорочило.

В романе «Женщины порока» отсутствуют возбуждающие читателя сексуальные сцены; это просто роман о женщинах, живущих в мире, которым правят мужчины. Это горячий протест против лицемерных общественных норм, лишаящих саудовских женщин элементарных человеческих прав. На оборотную сторону обложки романа писательница вынесла следующую цитату из своего произведения: «И я написала то, что они хотели. Я написала историю своей любви, недоступную для понимания людей вроде них, которые ничего не смыслят в любви, и не будут никогда смыслить. Я написала историю любви, или признание в преступлении, как они и хотели. Когда пришла очередь судьбы, он приговорил меня к четырём годам тюрьмы и семистам ударам плетью. Моя семья до сих пор ничего не знает. Они живут в деревне к югу от Эр-Рияда, и мой брат сказал им, что выдал меня замуж за хорошего человека, просто свадьба была сыграна в спешке из-за необходимости нашего скорейшего отъезда».

Писательница представляет в романе ужасающую картину положения женщин, брошенных за решётку, как правило, из-за проявленных сердечных чувств, подвергшихся множественным

видам физического и психологического насилия и навечно ставших отверженными и порочными в глазах лицемерного общества. Хотя согласно религиозному праву тяжесть преступления не зависит от пола преступника, и наказания должны быть равными для всех, автор приводит множество примеров того, как мужчина получает меньшее наказание, чем женщина, за то же преступление. К тому же, мужчина всегда имеет возможность восстановить свою репутацию и доброе имя после выхода из тюрьмы, в отличие от женщины, получающей пожизненное «клеймо».

Наиболее же смелой из всех затронутых в романе тем является критика действий саудовской религиозной полиции, точнее негосударственного «Ведомства по поощрению добродетели и предотвращению порока». Автор неоднократно прямо или косвенно указывает на то, что «люди, защищающие мораль, ведут себя аморально», следят за каждым шагом жителей Эр-Рияда, готовые в любой момент уличить человека в пренебрежении ваххабитскими правилами и предать его суду. Они унижают и оскорбляют граждан, побоями и угрозами заставляют их подписывать «признания» в приписанных им преступлениях, чтобы иметь возможность оправдать в глазах закона собственные преступления по отношению к подозреваемым. Поскольку указанное ведомство является в Саудовской Аравии реальной общественной силой, ответ на публикацию романа «Женщины порока» не заставил себя ждать: писательнице пришлось поплатиться за свои смелые высказывания тем, что она лишилась рабочего места журналиста, и многие саудовские газеты отказались с ней работать; кроме того, радикальные исламисты неоднократно угрожали ей смертью.